

СМЕНА

7

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Фото А. Уаллиа.

ГОРОД— СЕЛУ

Еще не везде стаял рыхлый весенний снег, а на широкие просторы колхозных полей уже вышли тракторы прокладывать первые борозды. Начался сев. Такой весны еще не бывало. По призыву партии тысячи комсомольцев выехали в степи Сибири, Урала, Казахстана поднимать целину, закладывать основы богатого урожая.

Коммунистическая партия и Советское правительство создают все условия для крупного подъема сельского хозяйства. В колхозную деревню направляются все новые и новые сельскохозяйственные машины.

На снимке: Челябинский тракторный завод. Отгрузка очередной партии тракторов для колхозной деревни.

Фото Г. Борисова.

Делегаты и гости XII съезда ВЛКСМ в Кремле.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Апрель. № 7. 1954 год.

Год
издания
31-й

В ДНИ КОМСОМОЛЬСКОГО СЪЕЗДА

ИЗ БЛОКНОТА ДЕЛЕГАТА
XII СЪЕЗДА ВЛКСМ

В залитом светом Октябрьском зале Дома союзов идет регистрация прибывающих в Москву делегатов XII съезда комсомола.

Возле многочисленных столиков, где висят таблички с названиями областей, краев и республик нашей необъятной Родины, выстроились в шпалочку вальсы, нарядно одетые парни и девушки. Они получают временные удостоверения, направление в гостиницу, подарок делегату — библиотечку художественной литературы. Некоторые тут же с любопытством рассматривают врученную им папку книг.

Навольно вспоминаются рассказы «старших» комсомольцев, участников I, II, III съездов комсомола. Тогда по разрушенным путям прибывали в Москву полуголодные, небритые делегаты в шинелях, пропавших дымок и порохов, но ничего, кроме воля и сухарей, не могла предложить своим юным гостям суровая военная Москва.

Теперь иное дело. Столица богатой Советской страны гостеприимно встречает посланцев молодежи. Для них открыты дары кремлевских дворцов, им покажут свои бесценные сокровища музеев, галерей, театров Москвы.

«Утро 19 марта. Сизая морозная дымка кладет на розовые кремлевские стены легкий лиловый оттенок. В десятом часу небольшие группы молодежи стали стекаться к Спасским воротам. Многие из делегатов впервые в жизни так близко видят величавый московский Кремль.

Вот идет стройная черноволосая девушка в ярком, цветистом платье. Скольво в глазах ее рвущихся наружу чувств — восторга, удивления, даже робости!

— Девушка, вы откуда приехали?

— Из Узбекстана.

— А работаете вы кем?

— Секретарем Молотовского райкома комсомола Ферганской области.

— Вы в Яссеве бывали?

— Нет, впервые...

Я знаю, удивительное чувство охватывает человека, впервые попадающего в Кремль: кажется, будто входил в чудесную сказку. Как волнующе отзывается в сердце торжественный закон кремлевских курганов, звучащих над всей страной! Как радостно представляешь себе, что вот по этим же безупречно вымощенным торцам проходила гениальная вождя революции Владимир Ильич Ленин, имя которого с гордостью носит комсомолец.

В зале заседаний и в бомбоубежище Георгиевского зала в ожидании начала работы съезда делегаты знакомятся друг с другом, о чем-то спорят, советуются.

То там, то тут трепетным золотым огньком вспыхивает песня. Поют самое любимое: о Москве, о партии, о Родине. Под гулкими сводами Георгиевского зала, где стены испи-

Пионеры столицы приветствуют XII съезд ВЛКСМ.

Фото Я. Халипа.

ны вырезанными в раморе именованиями воинских частей, гордо звучат слова известной комсомольской песни:

...Мы молодая гвардия
Рабочих и крестьян!..

Расторопные фоторепортеры стараются использовать последние минуты. Одновременно тремя аппаратами снимают они стоящую посреди зала невысокую рыжеволосую девушку Марию Минтей, звеньевую колхоза имени Кирова, из-под Чернигова.

В ярком освещении тысячесвечных ламп ослепительно горят на груди у девушки высокие награды: Золотая звезда Героя Социалистического Труда, два ордена Ленина и орден Трудового Красного Знамени.

Проходивший мимо трижды Герой Советского Союза летчик Иван Кожухов на секунду остановился и с уважением посмотрел на девушку.

А неподалеку от них представительница французской делегации с помощью переводчицы ведет беседу с молодой девушкой-строительницей московской, имя которой уже успело облететь всю страну. Это предзнаменующая фабричица Калинина Серафима Котовая. Молодежная бригада Серафимы Котовой так научилась использовать скрытые резервы производства, что стала ежемесячно давать более двух тысяч киловатт энергии сверх задания.

В первоклассности движений этой девушки, в ее манере быстро и четко отвечать на вопросы — во всем чувствуется привычка дорожить золотым временем.

Глядя на ее розовощекое, дышащее здоровьем и веселым лицом, французка, наверное, думает: под счастливой звездой родилась эта неутомимая в труде и в танцах русская девушка, певунья, автор задорных частушек, любимица всей фабрики! Французка гостя внимательно слушает удивительный рассказ комсомолки о том, как она, сиротная деревенская девочка, сирота, стала знаменитой работницей, студенткой техникума.

— У нас такого не бывает. Очень плохо живут французские девочки...

Но вот стрелки часов останавливаются на десять. Уже все делегаты заняли свои места в просторном зале.

В правительственных ложах появляются товарищи Г. М. Маленков, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, А. И. Микоян, М. З. Сабуров, М. Г. Первухин, М. А. Суслов, П. Н. Поспелов, Н. Н. Шаталин.

Все встают. Каким дружным весенним громом звучат аплодисменты молодых, сильных рук! А может, это совсем не аплодисменты, может, это так громко бьются комсомольские сердца, полные безграничной любви к Родине, к своей славной матери — Коммунистической партии, к своему родному правительству!

И опять с новой силой вспыхивает в зале овация, когда с трибуны оглашается текст приветствия Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XII съезду ВЛКСМ. Кажется, что это поднялась в едином порыве вся восемнадцатимиллионная армия комсомола, гордая величии доверием партии

и готова выполнить ее любое, самое трудное задание.

Слово для отчетного доклада предоставляется секретарю ЦК ВЛКСМ товарищу Шелепину. Сквозь двойной ряд широких окон в зал заседания вливается солнце. Солнечные зайчики пробегают по полированным крышкам столов. Видно, на дворе, подливая полную отставку зиме, принимает дела зvonка, горячая весна. Это наступает весна яркого, могучего расцвета нашей Родины, поборовшей огромные трудности войны и разрухи, весна больших надежд и восторженных рад, весна счастья и мира.

И, стоя на трибуне, освещенной весенним солнцем, товарищ Шелепин говорит о героическом участии комсомола и всей советской молодежи в мирном созидательном труде страны, о новых гигантских задачах, встающих перед нашим народом, строящим коммунизм.

Одним из таких больших дел, которое всколыхнуло сейчас всю молодежь, явился призыв Центрального Комитета нашей партии освоить целинные и залежные земли.

— Разрешите от имени нашего съезда, — говорит докладчик, — доложить ЦК КПСС, что на сегодня в ответ на обращение московских комсомольцев шестидеять тысяч юношей и девушек уже выехали на новые земли. А всего подано в комитеты комсомола свыше четырехсот тысяч заявлений!

Слова секретаря ЦК комсомола тонут в громе аплодисментов. Это делегаты аплодируют тем молодым энтузиастам, которых ведут сегодня заповни в Казань и на Алтай и которые предостоят нынешней весной поднять целину на обширных сибирских равнинах.

Кто посмеет утверждать, будто бы в наши дни угасла романтика славных комсомольских традиций! Разве ребятам и девчатам, выехавшим в дальний путь с красной путевой комсомолом, не на праву вспомнятся лучшие страницы истории комсомола, когда по призыву партии уезжала молодежь на фронты

гражданской войны, а потом — строить Днепростр, и Магнитогорск, и славный город юности — Комсомольск-на-Амуре. Вспоминаются им и годы Великой Отечественной войны. Какого высокого значения полны слова протологов комсомольских собраний тех лет, где было, например, записано:

С л у ж а л и: Вопрос об обороне Н-ской высоты.

П о с т а н о в и л и: Умереть, но высоту врагам не отдавать!

Разве не так же значимо и ответственно звучат теперь решения комсомольцев, перед лицом всей страны обязавшихся вспахать и засеять миллионы гектаров земли!

Понятно, почему и в докладе товарища Шелепина и в выступлениях делегатов так много и так горячо говорится об участии молодежи в этом большом патриотическом деле.

Весь зал дружно приветствует появление на трибуне загорелого, обветренного тракториста из Казахстана товарища Каверина.

— Прошла только неделя, — говорит он, — как наша комсомольско-молодежная тракторная бригада Жердевской МТС Тамбовской области в полном составе по призыву Коммунистической партии прибыла в Павлодарскую область для освоения целинных и залежных земель.

Бригадой трактористов рассказывает о первых днях работы на новом месте, в Ленинградской МТС, о полученных мощных тракторах. Он вызывает на соревнование лучшую молодежную бригаду трактористов Алтая.

Вот оно — живое, задрное и нелегкое дело из тех, которые всегда по душе комсомольцам!

Голосуя за большие и ответственные дела, делегаты на съезде подвергают резкой критике недостатки в работе руководящих комсомольских органов и своих организаций. Они говорят о необходимости изгнать из практики работы элементы бюрократизма, равнодушия, выйти из узких рамок внутрикомсомоль-

Фото С. Лоскутова.

Делегаты Вооруженных Сил СССР приветствуют XII съезд ВЛКСМ.

ской деятельности, стать ближе к повседневным делам и интересам молодежи. Особенно остро критикуются формализм и сухость, проникшие в работу с детьми, в веселую пионерскую жизнь. Выступления говорят о том, что ребятам нужны не скучные, однообразные сборы, на которых повторяют склонения и спржения, а радостные игры, конкурсы, детские олимпиады, слеты юных животноводов и натуралистов!

И это время в зале съезда вдруг раздаются высокая торжественная трель сверкающих пионерских фанфар и под добрый грохот барабанов проходит между рядами четкие шеренги мальчиков и девочек с красными галстуками на груди. Это пионеры столицы пришли приветствовать комсомольский съезд. В руках у ребят модели кораблей и самолетов, цветы и живые птицы. Все это без слов говорит о любимом занятии каждого из пионеров.

А маленькая москвичка с большим пионерским галстуком, стоя волею стая президиума, бойко произносит:

Ты, товарищ Комсомол,
Обрати внимание:
Мало песен у детей,
Много заседаний.

Не в одном еще отряде
Скуку — главная беда.
Ты бы снял ее с работы
И звезда и навсегда!

Под звуки пионерского марша и гул аплодисментов, поднимая над головами букеты цветов, пионеры покидают зал.

— Уже несколько дней работает комсомольский съезд. Большие деловые вопросы обсуждаются на его заседаниях.

Вечерами, когда объявляется перерыв до следующего утра, делегаты долго не расходятся: так не хочется покидать гостеприимные стены мудреного, сказочного московского Кремля! Дружными стайками ходят они по кремлевским залам и теремам, фотографируются возле Царь-Колокола, в Оружейной или Грановитой палате, рассматривают замисловатую роспись Успенского и Благовещенского соборов.

— Вот здесь в стартину, — рассказывает экскурсовод, — вышивался специальный ящик для подачи челюбитной булки. Но так как булочки, лежащие в нем, не рассматривались годями, в народе этот ящик метко окрестили «долгим ящиком»...

— Так вот откуда пошел бюрократизм! — под общий смех говорит черноволосый парень-таджик.

1334 делегата прислала на свой комсомольский съезд молодежь необъятной Советской

Делегаты XII съезда ВЛКСМ в перерыве между заседаниями.

Фото Я. Халкина.

страны. Вот проходит по залу небольшая группа комсомольцев. Мы знакомимся с ними — и выясняется, что все они из самых различных краев Союза. Колхозница Герой Социалистического Труда Вера Лыжко пришла с крайнего запада страны — из Волынской области, Алексей Латыкин, председатель колхоза «Новый быт», приехал из подмосковного Уваровского района, а секретарь комсомольской организации рыбного комбината имени Микояна Галина Дворникова прилетела в Москву с делегаткой Камчаткой.

— Вы и родились на Камчатке! — спрашивает я у Галины Дворниковой.

— Нет, я коренная москвичка, — но без гордости отвечает девушка. — Окончила московский рыбный техникум и по собственному желанию уехала на Камчатку.

— Не скучаете по Москве?

— Нет, не очень... Вы бы знали, какие там дружные, интересные и веселые люди! Скушать не дают.

В московских переулках еще не везде растаял снег, а кое-кто из делегатов звонит из Кремля по междугородному телефону, вызывает родной район где-нибудь в Уфе или на Кубани и, волнуясь, спрашивает:

— Как у нас там прошла встреча? Сов начали? Кто идет вперед!

Для приезжих делегатов устраиваются экскурсии по Москве: уносятся автобусы на Ленинских горах, на Автозавод имени И. В. Сталина, поезда в метро. И, где бы ни были делегаты, москвичи сразу же узнают их по энергичным молодым лицам, по восторженным взглядам, по громовым аплодисментам на спектаклях в театрах.

Вот на концерте в Большом театре конференсье объявляет:

— Дирижирует Геннадий Рождественский! И сразу же гремит аплодисменты: это привлекательный один из делегатов XII комсомольского съезда, талантливого молодого дирижера.

...Последний день работы съезда. В шумном потоке молодежи, наполняющей просторный Георгиевский зал, можно заметить несколько особенно пышных молодых группы: это парнишки и девушки нашей страны окружены тесным кольцом представителей иностранных делегаций, приезжих приветствует XII съезд от имени своих молодежных организаций. Среди них: молодые корейцы, индусы, французы, канадцы, итальянцы, китайцы — представители молодежи тридцати восьми стран мира.

Тут, как на фестивале, идет обмен значками, автографами, адресами... Гости из капиталистических стран рассказывают о тяжелой жизни молодежи их родины, о притеснениях, о своей борьбе за мир и свободу.

Делегаты съезда с интересом и уважением рассматривают подарки зарубежных гостей: альбомы фотографий — от свободной немецкой молодежи; альбом, привезенный норвежским делегатом; небольшой красный флажок бразильского делегата, которому, может быть, приходилось прятать на груди от глаз полицейских смывцов этой дорогой для нас подорожью.

Смотрю на эти подарки, и огромной гордостью за свою Родину, окруженную любовью всего передового человечества, наполняется сердце.

Приходит к концу работа съезда. Единственный пункт нового устава ВЛКСМ, избран новый состав ЦК ВЛКСМ и Центральной ревизионной комиссии.

С большим подъемом съезд принимает приветствие Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза.

С трибуны съезда секретарь ЦК ВЛКСМ товарищ Шелепин, обращаясь к делегатам, говорит:

— Юноши и девушки нашей страны будут всегда и во всем следовать за партией и вперед! Будут ее верными сыновьями и дочерьми, пламенными патриотами великой социалистической Родины. Советская молодежь будет и вперед жить и работать, бороться и побеждать так, как учит нас Коммунистическая партия.

Делегаты съезда (слева направо): зреневая Герой Социалистического Труда Любовь Шамова (Грузинская ССР), комбайнер Милад Тауаева (Латвийская ССР), знатный бульдозерист Герой Социалистического Труда Василий Елисеев (Сталинградской области) обмениваются адресами.

Крепнет наша дружба

Каждый из нас, делегатов съезда, вернувшись домой, сможет рассказать друзьям много интересного о сказочно красивом Кремле, о встречах в Москве с молодыми посланцами разных областей и республик, о комсомольской дружбе. Для меня самыми волнующими моментами на съезде были встречи с гостями, приехавшими из-за рубежа.

Ничкини словами не расскажешь о том, с каким восторгом смотрели наши гости на все, что окружало их. Представителей союзов молодежи капиталистических стран много всего поражало. Как-то в передре между заседаниями мы разговорились с итальянцами. Они наперебой рассказывали о своих впечатлениях. Переводчик едва успевал переводить их слова. Итальянцы только здесь поняли, что такое настоящая демократия. Их поразило, что рядовые делегаты съезда во весь толпе критикуют работу министров, по-открытому обсуждают государственные дела, охотно указывают на недостатки в работе ЦК комсомола. Они распрашивали нас о работе, о строительстве Волго-Донского канала, в котором я участвовал.

Один из гостей с горечью рассказал нам о тяжелой доле молодых рабочих и крестьян, о нищете и безработице, о бесчеловечной эксплуатации молодежи в капиталистической стране.

— Но я верю, — сказал он горячо, — твердо верю, что и наша молодежь будет такой же самостоятельной, как советская!

Встречи на съезде еще больше укрепили дружбу советской молодежи с юношами и девушками многих стран мира.

Василий ЕЛИСЕЕВ,
Герой Социалистического Труда,
бульдозерист на строительстве
Сталинградской ГЭС.

Против волокиты

Когда зал Большого Кремлевского дворца вновь и вновь наполнялся бурей оваций, это означало, что выступающий с трибуны съезда говорил то, о чем думали все делегаты. Мне особенно понравился выступление, в котором резко осуждалась канцлерско-бюрократические методы руководства. Бюрократизм губит любое новое дело, душит инициативу молодежи, поощряет зазнавство и чванство.

Работа нашей тбилисской городской комсомольской организации тоже страдала от канцлерщины и волокиты. Нам не хватало времени для практического и непрямого руководства. Олимпиада работниц ЦК ВЛКСМ Грузии спросила меня:

— Сколько раз была в низовых комсомольских организациях?

— Ни разу, — ответила я.

— Почему?

— Булава душит...

Потом бумага шел буквально канцлером. Даже смешно вспомнить! За последние два года до съезда в наш городской комитет поступило от вышестоящих комсомольских органов более двух тысяч различных решений и директивных указаний. Если это количество решений разделить на количество рабочих дней, то на каждый день приходится по три — четыре решения и директивы.

Менше бумаги и заседаний! — решил съезд. Больше конкретных дел, больше инициативы и непосредственного участия в работе комсомольских массовых организаций, которые найдут из нас людей, способных с чувством ответственности перед нашей родной Коммунистической партией.

Виктория СИРАДЗЕ,
секретарь Тбилисского
городского комитета ВЛКСМ.

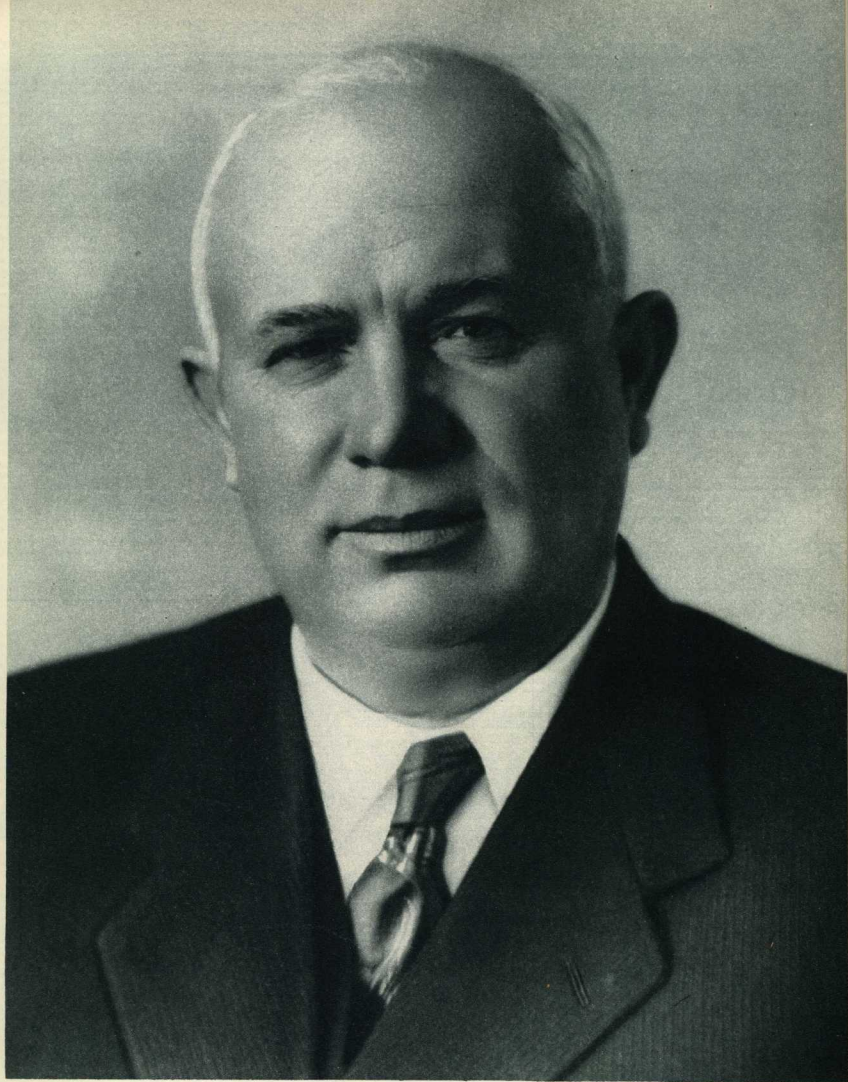
К новым спортивным успехам

Летом для наших делегатов предстоит серьезное испытание: будет разгранено первенство Европы. По результатам можно будет судить, насколько мы сумели учесть ту ту критику, которая была высказана в наш адрес на XII съезде ВЛКСМ.

В дни съезда в печати появились сообщения, что мой рекорд в толкании ядра, установленный в прошлом году в Швеции — 16 метров 20 сантиметров, — утвержден как мировой. Это была для меня радость, и я несколько подумала о том, что это мой маленький подарок съезду.

Мы, советские легкоатлеты, постараемся улучшить результаты, достигнутые на олимпийских играх. Это будет лучшим ответом на решения XII съезда комсомола.

Галина ЗЫБИНА,
заслуженный мастер спорта СССР,
рекордсменка мира,
чемпион XV олимпийских игр.

Никита Сергеевич ХРУЩЕВ.
К 60-летию со дня рождения.

В марте 1952 года в Риге проходила IX съезд комсомола Латвии. Выступивший на одном из заседаний съезда секретарь ЦК Коммунистической партии Латвии товарищ Калнберзин говорил о том, что поля республике с каждым годом приходят все больше техники, а опытных специалистов не хватает. Среди трактористов и комбайнеров мало молодежи, почти совсем нет девушек.

Делегат съезда Мида Тауцена внимательно слушала выступление товарища Калнберзина, а когда он кончил говорить, вырвала из блокнота листок бумаги и написала: «Хочу овладеть профессией комбайнера. Прошу направить меня в школу механизаторов». Сложив листок, девушка передала его впереди сидящему товарищу, и запись пошла в президиум.

— На рисунке изображена инфрешей фабрика «Узавар», где работала Мида Тауцена, многие были удивлены, узнав о ее решении.

— И чего ты надумала! — сказал директор. — Разве плохо тебе у нас!

И в самом деле, Мида на фабрике было не плохо: она бригадир кармального цеха; ей присвоено звание отличника; ее третий год подряд выбирали секретарем фабричной комсомольской организации.

— Подумай хорошенько, — предупреждал девушку. — Тяжело тебе будет.

— Я трудностей не боюсь, — отвечала Мида.

А через несколько дней, словно чумахолом, девушка почувствовала нищету, попрощавшись с друзьями, она уехала из Риги.

...В Янгбульскую школу механизаторов съехались более двухсот человек. Это были люди разных возрастов, из разных районов Латвии, но все они, кроме Миды, уже работали в колхозах и МТС не менее двух лет.

Начались дни упорной учебы. Трудно было Миде выдержать основы земледелия. Устав сельскохозяйственной артели она усвоила быстро, а вот с устройством и ремонтом комбайна, с управлением машинной делю обстало значительно сложнее. Чтобы не отстать от товарищей, Мида приходилось много заниматься дополнительно. Часто, когда все уже спали, она еще сидела над книжкой. Завсегда лампу выключала, чтобы не мешать подругам, Мида занималась иногда до рассвета.

А на дворе бурлит весна, рас-

Н. ШЕВЧЕНКО

НАСТОЙЧИВОСТЬ

цветает сирень. Не легко усидеть над книжкой, когда тебе хочется идти туда, а за окном тихий, теплый вечер.

Оторвавшись на минуту от книг, Мида подходит к окну. Как красиво! В лунном свете выглядят сказочными старые дубы, и раскопанные клены, и сосны, и соскользкие по озеру лодки... Из парка доносятся оживленные голоса, смех. Потом все заглушает высокий, чистый девичий голос, еще вторит тротуар. Это Аустра Русинска и Эдаурс Вейдманс затанцуют латвийскую народную песню. Мида хочется побегать с ними, подхватить песню. Но, поставя немного у окна, она все садится за учебники.

В дверь постучали, и в комнату вошел Эдгар Сарканс.

— Занимаешься? А мы спорим, почему тебе нет на озеро. Может, помочь? Не стесняйся. Мида благодарно смотрит на юношу. Хорошие они, ее новые друзья. Много раз и Аустра, и Эдгар, и другие развлекли ее непонятно, а Мида помогла им подготовиться к политзанятию. Этот предмет она знает лучше других: она ведь окончила девять классов, а многие из одноклассников только четыре — пять.

Началась практика. Три месяца работала Мида на комбайне, убрала озимь, овес, ячмень, пшеницу. И вот в руках девушки свидетельство: она присвоила квалификацию комбайнера-механика. Это было в конце ноября.

«Как бы лучше использовать оставшиеся до весны месяцы?» — думала Мида. И решила: хорошо бы окончить еще курсы трактористов.

В Министерстве сельского хозяйства республики, куда обратилась Мида за направлением, ей ответили:

— На курсах трактористов уже третий месяц идут занятия.

— Ничего. Нагони, — уверенно сказала Мида. Через два с половиной месяца она успешно окончила пятимесячные курсы трактористов и поехала работать в Сигулдский МТС. Вскоре началась пахота. На трак-

тора «КД-35» Мида выехала на поле колхоза имени Первого мая, но первая борода не принесла Мида радости. Много огорчений было в первый день работы: и глубина вспашки оказалась недостаточной, и края при бороздках остались необработанными, трактор шел неровно, бородажки были кривые. Вместо 4,2 гектара по норме за смену Мида вспахала только 1,8.

— Какой из нее тракторист! — говорили пожилые колхозники. — Не женское это дело.

Обидно было Миде слышать такие слова. Стиснув зубы, она молча выслушала упреки. Почему они говорят, что это не женское дело? Неправда! Она докажет им другое. На следующий день деле и Мида пошли лучше, а через несколько дней она уже выполняла норму и качеством вспашки было отличным.

В середине июня Мида дала комбайн «С-4». Его нужно было собрать, подготовить к уборке. Хотя он был совсем новым, только с завода, его соломокопнитель не годился для местных полей. Предстояло многое изменить. Мида с усердием принялась за дело.

Наконец работы закончены, комбайн принят комиссией. Но до уборки урожая остается еще несколько недель.

— Дайте мне отпуск, — обратилась Мида к директору МТС и, заметив его удивленный взгляд, объяснила: — Пока дел мало, работаем в одну смену, а я хочу за это время съездить на Украину. Там уже началась уборка, посмотрю, как работают знатные комбайнеры, поучусь у них.

— Это ты хорошо придумала, — сказал директор.

И, получив разрешение на отпуск, Мида в тот же день вылетела в Киев.

Заместитель министра сельского хозяйства Украины встретил Миду приветливо. Узнав о цели ее приезда, он одобрительно улыбнулся:

— Молодец! Так и надо действовать! Наши комбайнеры охотно поделятся опытом. Вот поез-

жайте в Белоцерковскую МТС. Здесь недалеко.

Много времени ей было у них в Сигулде, увидела Мида в Белоцерковской МТС: прекрасные ремонтные мастерские, мощные аппараты для трактористов, радиостанция для связи с бригадами. Особенно заинтересовала Миду диспетчерская карта. Как удобна! Глянешь на нее, и сразу видишь, где работают тракторы.

Мида приобретает и лучшему комбайнеру МТС — Владимиру Грищенко. Внимательно присматривалась Мида к работе опытного мастера. Комбайн у Грищенко не протановал ни одной минуты, регулярно доставлял и воду и горючее. Мида поняла, как важна правильная организация труда. Многое зависит и от темпа работы, а для этого нужно уметь хорошо управлять комбайном.

Две недели проработала Мида с Грищенко. За это время они убрали 256 гектаров. Вернувшись домой — в Латвию, Мида горно влезла за работу. Она убирала урожай в колхозе «Страуме», потом в колхозе имени Первого мая.

Погода стала плохая, часто шли дожди. К тому же и поля в этих колхозах неровные, холмистые. Вот тут-то ей и пригодился урок Грищенко. Комбайн Мида работала бесперебойно. Учетчики были довольны и качеством ее работы: высота среза правильная, несокоченных колосков нет, невымоложенных зерен в колосках не оставалось.

— Даже не верится, что ты поработала столько, — говорили девушки опытные механизаторы.

По окончании уборки Мида Тауцена была присвоено звание лучшего комбайнера Латвийской республики.

— И вот Мида Тауцена в Москве. Вместе с другими делегатами XII съезда ВЛКСМ она входит в Большой Кремлевский дворец.

Сколько нового, интересного узнала Мида за дни съезда! Сколько впечатлений! Глубоко в сердце девушки запали слова приветствия Центрального Комитета КПСС XII съезду ВЛКСМ, в котором партия выражает уверенность в том, что комсомольцы и комсомолки и впредь будут умуножать славыные дела Ленинского комсомола, отдавая все свое энергичное коммунистическое строительство на коммунизм.

Мида знает: она на правильном пути. Но на этом пути сделана еще мало. Значительно больше предстоит сделать.

Г. ВАЛЛИКОВ

ЦВЕТЫ И ЗВЕЗДЫ

Мой прадед барщинным был пахарем,
От жизни этого же требовал.
Ему и сахар был не сахаром,
Ему и солнце соллзем не было.

Ночам у речной излучины
Он вух соху за каменной стеной,
Пальма луна, но он, измученный,
Не находил ее красивую.

Мой дед не любовался зорями,
Избу, глядя, вот-вот развалившую,
Ухнул раз от развуха залозорев,
И те на гроб жени-страдальцы.

Отец мой, на покое мучался,
Был обречен батрачить сызмала,
Но слово Ленина могучее
Его из мрака к свету вызвало.

И он, веселый и уверенный,
В кипелье жизни поновачотый
Срубил избу с оакиной терема
Излучинх ососен, ососен матвовых.

И ролдас под новой крышею,
Колхозный дом был поаной шеюше,
Просторная школа, путь открывшая,
Чиста заря, меня встречающая.

И все, что было в душах прадедов
Нуждуо вытравлено начисто,
У дедов — вырвано, украдено,
Все мне дано еще с реблчества.

Открылся мир в тенях и пороках,
В цвету, в лучах, в разнооаоленце —
Во всем, что радостно и дорого,
Что и поныне в песни проросло...

Пов, любав любовью сильную
Цветов красу и звезд багланые,
Все, чем щедро земля обаянная,
Велколлленно мирозданье!

Тракторный поезд прибыл в село Назаровку.

Фото В. Гребнева.

По бескрайней снежной равнине движется необычный поезд: мощный трактор тянет сколоченные из бревен сани — один, второй, третий, четвертый...

На санях установлены дощатые вагончики с маленькими окошками.

Если смотреть со стороны, кажется, что трактор идет не так-то уж ходоко, но попробуй, справиться с саней, и тебе придется свистеть и махать шапкой трактористу Губину, чтобы ехал поменьше, иначе не догонишь.

Павел Губин торопится. Надо засветло поехать в Назаровку, а осталось еще километров двадцать. Тракторист включил гудок и переключил и задние сани бросает из стороны в сторону. Поляны, словно нож бульдозера, срезают пласты сверкающего на солнце снега. Агроном Лена Дмитриева с нескрываемым удовольствием глядит на эту снежную лавину: «Много влаги будет на полях весной». Рядом с Леной в раскрытых дверях вагончика стоит инженер-конструктор Володя Молотылов. Он в этих краях впервые, и Лена рассказывает ему и его друзьям о Кузундинской степи.

Первый разговор только что познакомившихся людей — о погоде.

— Ваш, алтайский мороз куда легче переносить, чем наш, московский, — говорит Молотылов.

— Теперь этот мороз не только ваш, но и ваш, земляками ведь стали, — улыбается Лена.

А санный поезд все идет и идет. И кажется, нет конца снежному раздолью. Но вот где-то далеко показались постройки.

— Минут десять осталось, — сообщает Лена и сочувственно вздыхает: — Усталы в дороге? Неделю, верно, едете?

— Да побольше, но теперь мы дома.

Молотылов с любопытством вглядывается в приближающиеся постройки. Его друзья, кому не удалось пропутиться к дверям, придираются к обделенным окошками вагончика. Так вот она какая, Назаровка! Раскинулась широко.

Но нет в ней благоустроенности: дома не обнесены пласандниками, крыша кое-где покосилась, не видно ни одного дерева... Степное же сияние серое!

Ну вот она, зямия Назаровка, и

НОВОСЕЛЫ

И. ЛЕМБЕРИК

конструктор Володя Молотылов вспоминает Москву, улицу Машиностроения, где вырос, где живут тысячи рабочих и инженеров столичного автозавода. Нет, не для того, чтобы туржиться о ванне с горячей водой, о квартирном телефоне, о залегах огня Дворца культуры, уехал он с товарищами в это село, которое с сегодняшнего дня стало для него родным.

Конечно, Володе и его друзьям, рабочим и инженерам Автозавода имени И. В. Сталина, было бы куда отрадней увидеть Назаровку благоустроенной. Но разве не большее удовольствие принесет сознание того, что ты своим трудом изменил облик этого затерявшегося в Кузундинской степи села?

Приехавший из Барнаула вместе с молодыми москвичами кинооператор влез на крышу вагончика и нацеливается камерой на фасад котельной МТС. Даже не на весь фасад, а на верхнюю его часть, где трепещет на ветру аэрационный плакат: «Привет молодежи, прибывшей на освоение целинных и залежных земель!»

Но разве этот алый лоскут расскажет всё о широм гостеприимстве, оказанном посланцам столичного комсомола?

подвижная сероглазая девушка, была вожакем первого отряда московских автозаводцев, отправившегося на Алтай поднимать вековую целину. И вот ей вручают ал на блюде, покрытом расшитым полотенцем, пшеничный каравай и резную соломку.

Глядя, как смущается Зоя, принимающая дар, инженер Георгий Семенов, бывший фронтовик, сказал верюмо Володе Молотылову: — Не заслужили мы еще такого почта, чтобы нас с неюкрытой головой встречали. Большой долг за нами, очень большой...

Как же отдать этот долг, как ответить на любовь и доверие гостеприимных, привставших людей? Что сделать, чтобы и они и весь наш народ жили лучше, богаче? Эти вопросы волнуют и Семенова, и Молотылова, и их товарищей.

На следующий день в кабинете директора МТС собралась комсомольско-московичи. Близик обстоятельный, неторопливый разговор о том, на каком участке каждый принесет больше пользы. Директор Владимир Иванович Крестьянинов, сам только в январе приехавший сюда с Урала и не расстающийся еще с мушкетером горного инженера, беседовавший с Львом Луцким.

— Значит, Бауманское окочили? — спрашивает он, рассматривая диплом молодого специалиста. — Хорошее это училище. У нас на шахте механики оттуда были. Вот и вы у нас участковым механиком будете.

— Согласен.

При разговоре присутствовал секретарь райкома партии Василий Степанович Нохрин. Жестом он остановил инструктора по кадрам, уже обмучившего было перо. — Пожалуй, товарищу трудовому будет участковым механиком. Сами видели, товарищ Луцкий, какие у нас расстояния. Что у вас с ногой?

— Ранец был на Дивер...

— Я вам советую стать механиком-контролером. Будете постоянно проверять, из мастерской возьмать редко придется.

Гостеприимно встретили в семье колхозников Коробовых москвички-комсомолки Зюю Гаврилову и Инну Лазареву.

Лунки молчат. Ему хочется стать механиком участка. Такую работу уже получили Володя Моложавый, Иван Николаешков и другие ребята из отдела главного конструктора.

— Нет. Хочу, как все, — говорит он.

Секретарь, славянец, машет рукой. Инструктор по кадрам выводит против фамилии Лункиного: «Участков механика». А механиком контролером пришлось стать Георгию Семенову, и он шутя грозит кулаком Лункину:

— Смотри, лучше тракторы ремонтируй. Не пугайся, что ты мой друг!

В кабинет ходит Саша Минаев — плотный телосложения юноша в синем лыжном костюме. Он был одним из лучших слесарей завода.

— Как вы посмотрите, товарищ Минаев, если мы направим вас в мастерские? — спрашивает директор.

— Я готов работать везде, где буду полезен. Но есть у меня проблема...

— Какая?
— Разрешите мне вместе со всеми ребятами тракторы изучать. Ведь меня комсомольцы цеха нормальнее послали целину поднимать. Слов нет, директор мог бы расквитаться Минаеву, что участвовать в освоении целинной земли можно не только сидя за рулем трактора, но разрыхлив ее последовало. По сияющим глазам Саша друзья, дождавшиеся его в коридоре, поняла, что и он будет трактористом.

И вот Саша Минаев, Ваня Коротчин, Толя Анисковский уже шагают по селу и поют:

Дальние края,
Родина моя,
Станем трактористами
И ты и я!

А Зоя Гаврилина спорит с директором. Владимир Иванович доказывает ей, что лучше всего она справится с обязанностями заведующего кадрами:

— Людей вы знаете, опыт имеете и на комсомольской работе опять-таки немало пробывали. Надо работать на том участке, где вы принесете больше пользы Родине. Я вот тоже уюло добывала, а меня вывалили и сказали: добывай хлеб.

— Ну, здесь разница небольшая: и уголь и хлеб в земле рождается, — улыбается Зоя и устанавливает на своем: — Я и в цехе в конторе работала, а вы меня опять за стол сажаете. Не для этого я четыре тысячи километров ехала сюда! Нет, давайте мне трактор. Ведь есть же у вас трактористки Таня Решетко, Аня Зайцева.

— Когда вы успели с ними познакомиться? — удивляется секретарь райкома.

— Успела. Они в Михайловку, на станцию за новыми тракторами уехали. Так вот, один из этих тракторов — мне.

Директору пришлось и на этот раз садить

ся. В списке учащихся тракторного курса появились всезнающие фамилии.

И вот эти всезнающие человек сидят в просторной избе, громко именуемой «Курсовая база». За обледенелыми окнами гуляет в проходах холодный, порывистый ветер, а здесь жарко и уютно сделанная из железной гальки печь. На стенах, от потолка до самого пола, развешены многочисленные схемы.

Всезнающий пар глаз внимательно следит за указкой механика Игумнова, скользящей по линиям одной из схем. Покрывают перья авторучки, и в тетрадь, разложенных на столе из свежесделанных досок, появляется схема пускового двигателя, его описание.

Игумнов смотрит на стрелки ходиков: — Сделаем перерыв.

Ребята окружили Игумнова. Задают множество вопросов. Больше всего — о подеме целинных земель.

— С кем в нашей МТС можно потюковать о вспашке целины? — спрашивает Юрий Каекин, отличный заводской сварщик, а теперь один из самых старательных курсантов.

И да с Павлом Губиным, тем самым, что вас сюда вез. Он у нас целину поднимает. За последние годы больше двух тысяч гектаров вспахал.

Каекин распространяет, где живет Губин. Вечером он наведется к трактористу, с ним потюкует обо всем. Но до вечера еще далеко. Надо просидеть два часа в классе, а потом дотемна возиться с тракторами, которыми скоро придется управлять... Как скоро? Все зависит от того, какой будет весна. Возьмется дружно сходиться с полем снега, оттаят земли — ступт уж жавая. Целина. Ее, как говорят здешние трактористы, надо порывные пахать, пока вляти в ней много.

После занятий курсанты идут в усадьбу машинно-тракторной станции. Многие здесь им не нравятся и то, что тракторы и сельки стоят в снегу, под открытым небом; и то, что ремонт машин ведется кустарно; и то, что в мастерских холодно и слесарям приходится работать в ватниках...

Неважно дело поставлено, — говорит Саша Минаев механику мастерской Бахареву. — Мы у себя в цехе нормальнее не так работали.

Бахарев соглашается: помещения плохие, все эти годы в МТС во велье капитальное строительство, но теперь... теперь все пойдет по-другому!

Директор Владимир Иванович Крестьянин показывает комсомольцам, собравшимся в самой просторной комнате конторы, генеральный план строительства Назаровской МТС:

— Вот здесь будут гаражи для тракторов... А тут янале... А вот новые мастерские...

И хотя на плане в тысячу раз уменьшенные действительные размеры будущих строений, Владимир Моложавый, Георгий Семенов, Лес Лункий, Иван Николаешков и другие моло-

дые механикаторы видят эти строения во весь рост, видят еще не посаженные, но уже задаваемые сады. И возникает деловой, хозяйский разговор о свойствах строительных материалах, о том, как лучше использовать в этом году сотни тысяч рублей, отпущенные на капитальное строительство МТС.

Черт возьми, — говорит Володя Моложавый, — ни одного трактора, ни одного комбайна да года через три, здесь делать нечего будет! На готовое придет!

Но эти ребята приехали не на готовое. Незаром выбрали они самый отдаленный район края, не согласившись на местные предложения работать близ Барнаула, скажем, в Калманской МТС. Да и в действующем районе они избрали не Стенную станицу, расположенную неподалеку от районного центра, а Назаровскую, где, по которой зимней порой и обратятся в трудную. Поездка туда, где тяжело, и не расквашивает в этом.

Моложавый и другие комсомольцы выходят на крыльцо. Здесь стоит Семан Петрович Елистратов, свертывает сигарку. Ребята узнают его:

— Закуривайте, папаша, московских, — раскрывает портюгара Моложавый. Завязывается беседа.

— Вам то хорошо, — итеропинию говорит старший. Смотря, какая материя, — вы руки вымывает, — мне лет двадцать пять назад на никудильных тракторах вымывать приходилось. Скажем, «фордоном». Чуть отсырела боина — останавливайся в борозде... да в мощию у него была малая. Тенерешние знаши машины все в пример лучше, большую силу силу человеку придают.

Ка бы в подтверждение этих слов доводится мерное тарханство: это идет в Назаровскую колонна тракторов. Их хоть заглушат ветры, слышно далеко слышно слышно слышная поусть. Это новые, мощные дизельные тракторы для подьема целинных земель.

Пройдет несколько дней, и за рычаги сядут Иван Коротчин, Василий Макеев, Борис Волков, Юрий Кожин, Владимир Зайцев, — все знаменитые комсомольцы-москвичи. Задача им ясна. Этой весной за десять дней надо поднять четыре тысячи гектаров нетронутых земель.

Вот они, эти земли, на подробнейший карте района. Здесь, подоала от Назаровки, всеомот гектаров целины выделена колхоза имени В. М. Молотова, а подальше — западные земли назаровского колхоза «Красный Октябрь» — тоже большие полутьсящи гектаров, а там еще...

Все ребята стремятся попасть в отряд к Павлу Губину, и не потому, что он кавалер Золотой Звезды, а потому, что на его долю выпала труднейшая задача — подыять большую часть здешних целинных земель.

Много дел в эти дни у Губина, но он всегда найдет час — другое, чтобы потюковать с молодежью или тыжикою, никому не мешая, поседеть на уроке в «Курсовой базе». Присматривается знающий тракторист к курсантам и не знает, на ком остановить выбор, кого взять в свой отряд. Все ребята ему нравятся, каждому можно доверить самое серьезное дело.

В учении и труде ребята бегут дни. Давно ли санный поезд с москвичами остановился у назаровской конторы, а ребята уже освоенные на новом месте, обжились. Все колхоз двора Иван Коротчин — помогает хозяйке, а сын Володя Моложавый фотографирует ребятшек, сетуя, что мало захватил из Москвы пленки, в здешнем магазине ее не купишь. А в избе, что на той стороне усадьбы, Зоя Гаврилина показывает новым фанам платень агроному Лене Дмитриевой, с которой познакомилась в вагончике по дороге в МТС.

Радушно встретили, узнали, полюбили москвичей в Назарове. Полюбили за все: за то, что приехали, не побоявшись трудностей; за то, что не загордились, держат себя просто; за то, что старательно за дело влялись. Пройдет немного времени, и посланцы комсомола заводуют уважение как мастера сельского хозяйства.

Скоро, совсем скоро придет в Куландинскую степь ясна. Павел Губин поведет свой отряд на штурм целины, в бой за высокий урожай. Вместе с бывальными трактористами поведут мощные машины волевыми далекой Назаровки.

Москвичи на практических занятиях по изучению трактора.

Делегат XII съезда ВЛКСМ старший мастер закройного цеха Курской обувной фабрики Тамара Горбулина (в центре) с передовиками производства Ларисой Кретовой и Сашей Лобынцевой.

фото Л. Вокалова.

«ИЗБРАННЫЕ» НАТУРЫ

Заметки преподавателя

— В большом искусстве «трон» должен быть, ход, прием. Понимать поэзию надо!

Молодому преподавателю высшей школы, едва ступившему на педагогическое поприще, с первых же дней приходится сталкиваться со множеством трудностей, одолеть которые одному почти невозможно.

Хочется поговорить об этих трудностях, выслушать мнение, совет опытных педагогов и самих студентов.

Не знаю, как обстоит дело в других высших учебных заведениях, но у нас на факультете все чаще начинают говорить об эгоизме и эгоизме, которые получили распространение среди некоторой части студенчества.

В самом деле, появляется вдруг среди нас некий «сверхчеловек», пообращающий почему-то, что земля перестала вращаться вокруг солнца и начала вращаться вокруг него, что он натура «избранная», исключительная, непонятная простым смертным. В каждом слове, в каждом поступке такого «сверхчеловека» сквозит этакое непоколебимое убеждение эгоиста: «Я — это всё».

Вот наиболее характерные типы этих «избранных» натур. Я несколько изменила фамилии. Нужно ли называть подлинные имена? Студенты нашего факультета и других учебных заведений найдут в своей среде немало таких «избранных» натур.

...Студентка Светлана Тамбовская пропустила около десяти практических занятий по истории русской литературы. Пометка «нб» прочно встала против ее фамилии в списке. Нельзя было не встревожиться: не заболела ли, не случилось ли что-нибудь дома? Когда же студентка наконец появилась, я решила помочь ей повернуть улушение. Но не тут-то было!

— Почему я на ваши практические занятия не ходила? — девушка неторопливо подкидывала слова, которые и преподаватель бы не очень обидел, и вместе с тем как можно точнее передавал ее отношение к делу. — Видите ли, я, откровенно говоря, пользы не вижу в этом хождении.

Согласитесь, примитивные девочки в нашей группе собрались. Серенькие. Им вдалбливают, вдалбливают, они и заучивают. Случно мне с ними: я все-таки выше их, развитее, способнее. И мне, как всякому незаурядному человеку...

С виду девушка как девушка. Лет ей не больше девятнадцати. Учится чуть-чуть манерно. И, словно констатируя будничным факт, так, как будто скучает «я работаю токарем» или «сегодня холодно», она говорит спокойно:

— Человек я, видите ли, незаурядный...

А сколько настоящих мучений доставляет однокурсникам общение с «избранным судьбой», молодым поэтом Виктором Бояриновым! В одной газете появилось недавно несколько его стихотворений. После этого события, не оставившего пока эхо в отечественной литературе, свои способности Виктор, говоря мягко, несколько перенесла. И теперь, едва заслышав самое робкое подобие критики, он сразу же переходит в контратаку:

— Зажать хотите? Не по вкусу, небось, когда правду-то режут. Адамо! И Малковского зажимаю. И Островского...

Нам доводилось читать его стихи, в которых, по мнению автора, правда-матка сияла во всей своей красоте и величии. Речь в одном из них, помнится, шла о

— Что, пританиски? От меня не скроетесь. Я всех вас на чистую воду выведу.

— Согласитесь, примитивные девочки в нашей группе собрались. Случно мне с ними: я все-таки выше их, развитее, способнее...

том, что он, поэт, однажды загляделся на красивую девушку; с головы его тем временем свесла новая шляпа, девушка поочередно свалила, завязалась знакомство. Вешинкой ирической мудрости «поэтико-правдолюб» была конюшка:

Я пропала любимую шляпу,
Но зато я нашла любимую.

Стоило послушать, как, снисходя к «ограниченности окружающих», поэт комментировал свое творчество: «В большом искусстве «трек» должен быть, ход, прием. Понимать поэзию надо! Да где вам!.. Только поэт поэта понять может».

Виктор стоит на своем и поныне. И пусть говорят, что его стихи пуустоваты, надуманны, претенциозны. Сам он уверен: ничего-то в них не понимает эта «серая публика».

Эмиль Прохоров продемонстрировал свою «исаурядность» иным образом. Недавно попла он в далекую деревню, кажется, с экспедицией по сбору устного народного творчества. Здесь-то и раскрылась миру «исключительность» его натуры.

Деревенский быт пришлось ему перенести не по душе. Особенно корюило беднату от незатейливой, но, на наш взгляд, здоровой деревенской кухни. Он все время бегал в ларек за «городской» едой. Денег хватало, пареня с мясом продержал, а из «трески в масле» и мятых припиках. Его резво уверевали:

— Этак и помереть недолого! Ты бы вестки скодила, горяченького похлеба!

Он лениво отрубивался:

— Не хочу... не привык... Я, да бужет вам известно, в жизни ни разу полонитного беляя не надевал. Только шлякелю! Кажется, именно Эмиль год спустя заявля распределительной комиссии, иправляющей его на работу в среднюю школу:

— Дело в том, что я скоился к научной работе, я же специалист по современной литературе. Что мне в школе делать? Во всяком случае, это очень похоже на Эмиль, решившего, руковоствовавшись жизненной программой: дажедесять есть буду, а от черного хлеба угодил!

«Молодые дарования» типа Светланы

Тамбовцевой и Эмиля Прохорова относятся к окружающим с нескрываемым, откровенным высокомерием. Распознавать в них эгоистов и завистливых сравнительно легко. Гораздо труднее с аспирантом Мишей Сарычевым. Приваждает Сарычев к очень опасному разряду завистликов: он ханжа.

Может показаться, что Миша Сарычев никак не приспособился к жизни в лагере и не стремится выделиться из общей массы. В колхоз он вместе со всеми эдет. Ездил. От работы не отлынивал? Нет, с огоньком работал, а один раз и впереди других оклаивался. Общественные поручения у него есть? Есть и много. Он загружен по горло, но находит время — и в Третьяковку со своей группой идет и даже фотографироваться недавно ходил вместе со всеми. И не только сам ходил. Когда кто-то из аспирантов на пошле, Миша — все слышал — укорял его: — Смотрите, друг, от группы отрываешься...

Часто можно видеть, как Миша беседует с ассистентом, со старшим редактором и не редколлегами стеной газеты. Работает он на совете. Одним словом, коллективист.

Так аи это? Ведь коллективизм человека измеряется не количеством связей, проведенных им «вместе со всеми», а отношением к людям.

Миша Сарычев целыми днями сутелется среди нас, но внутренне он давным-давно от нас оторвался и стал «сверхколлективистом» — человек, который не имеет ни одного из признаков вечно влюбившейся в них эгоиста. Проваливается он лишь в различных формах.

Учиться у других Миша не желает. Заучивать? Его проваивает — учить, подслушивать всех вместе и каждого в отдельности, отличать или хотя бы заподозрить товарищей в чем-нибудь нечистом, неблаговидном. И он проваивается по узким коридорам старого университета, в аудиториях, сессулах, вглядываясь исподлобья, поверх очков, в толпящихся вокруг людей. Весь вид его словно говорит: «Что, притамился? От меня не скроешься. Я все вижу на чистую воду вывешиваю». Кто-то из студентов, идя коридором, неприступно разговаривала с товарищем, шутила. Миша тут как тут. Он отводит меня в сторону:

— Замечатель, какой он веселый стал! По сравнению как-то веселый. С чего бы это, а?

Для стеной газеты была нарисована карикатура: студентка-бездельница изображалась на ней в виде котлящей кошки. Непременное ко мнешко настороживается, перестав указующий угрожающе поднимается:

— Не гоже так. Критика критикой, да вот... Кошка! И хвост трубой. А рядом о рожке комсомола. Сидит и жует.

И Миша движется дальше — расследовать, собирать уайки, примечать. Коллектив у нас во всех отношениях здоровый. А если встречается недоросель-сердечек или недоросель-филистер, то достаточно строгий справедливый отпор. Но, по мнению Сарычева, факультет стоит на краю гибели.

О настоящих эгоистах его старания по части сохранения общественной нравственности говорят ясно. Недавно в аудитории намревалась затейливая. Аспирант — женатый человек, жена которого осталась на родине, где-то в Сибири, — наведаясь в гости к девушке-аспиристке, москвичке. Потом они вместе били на конюшне консерваторию. Подозрительно? С точки зрения здравого смысла — нет. Никто из нас не находил «состав преступления» в том, что два комсомольца захотели вместе погулять музеем-филистером.

Подобного мнения придерживались и наши знакомые, потому хороних, товарищеских своих отношений ни он от кого не скрывал. Но Миша все пытался и пытался поглядывать на товарища с завистливым, пахучим взглядом «общие интересы», меня не проведете. И Сарычев принялся за расследование.

— Вас, между прочим, — вкрадчиво явил он, — вчера на Пушкинской площади зазекали. — Он особенно налегал на слово «зазекали».

«Преступники» искренне недоумевали: — Ну и что же?

— А то, что совету я вам прекратить... это самое.

Кажется, Миша во-время образумился. Эмиль Сарычев о первого курса, я припомню его поступки один за другим: вместо простой и душевной дружбы с членами коллектива — развязные назидания; вместо борьбы за нравственность — мелочливая подлизывальность; вместо деловой критики — «разносные» статьи в стеной газете. Любую хорошую идею Миша способен быстро погубить своим диаволи усердием. А довести хорошую идею до неопределенности до Урстулза — все равно, что отвернуть ее.

Хочется верить: в недалеком будущем мы станем преисполнены ханжеством так же, как сейчас выступаем против карьеристских борбаторгов.

Весь нас тревожит вопрос: как бороться с появлением в нашей среде завистликов, безобразцев, ханжей и как устранить, наконец, самую возможность их появления?

Представление о подобном роде людей, сложившееся у некоторых из нас, нередко оказывается крайне приблизительным. Мало-помалу эта литературный штампом тип современного туземца: тарзанья голова, длинноватая-овальная подбородок, истонченные плечи. Ходит в «Коктевель-халате». Раскатывает на «Москвиче», подаренном обеспеченными родителями. Штампом стали и образы самих родителей: пошловатая мама в халате, вечный занятый папа в комсомольском халате.

Думается, искать эгоистов в пресловутом «Коктевель-халате», а причины их возникновения — в материальном благополучии и легкомыслии родителей — довольно общепонятное решение задачи.

Бывают, конечно, во многом виноваты и родители. Но не можем же мы перекалывать всю вину исключительно на них: это значит в какой-то мере оправдать и образцы безразличности самих себя.

Светлана Тамбовцева и Мишу Сарычева во-время не предупредили ни преподаватель, ни комсомольские руководители. Мы почти привыкли ждать, пока эгоист, завистливец или сорвишник сам себя. Свистулы Тамбовцевой и Мишу Сарычева во-время не предупредили ни преподаватель, ни комсомольские руководители. Мы почти привыкли ждать, пока эгоист, завистливец или сорвишник сам себя.

— А помните, еще на первом курсе... — Это что, а вот помните, еще когда мы ездили в колхоз...

— Мне кажется, это выговор... — Ситуация, что выговора недостаточно: строгий выговор.

Правда, немногие слегка покажутся: в этом и наша вина, товарищи! Недоделаны... недопоняты... недооценены...

«Мы чужд ждем, пока «мелочи», «милые слабости» разовьются в пороки, и слышим горячо спорим о мере высказаний, обходя откровенно эгоизма. В этом, по-моему, заключается некоторые из характерных ошибок молодых преподавателей и комсомольских работников.

Может быть, эти замечания попадутся на глаза партийным и комсомольским работникам студентам (в том числе, студентам нашего физиологического факультета Московского университета) и старшим товарищам, отдавшим воспитанию молодежи немало труда, времени, сил. Хорошо бы, если бы мы смогли всем вместе подумать о том, как устранить дурное явление в жизни нашего студенчества. Ведь о некоторых из этих явлений на собраниях обычно не говорится!

В. ТУРБИН,
преподаватель кафедры истории физиологического факультета МГУ.

Евгений КАРПОВ

ЖЕМЧУ

Рассказ

НАС было шестеро топографов. Мы пришли в тайгу два недели тому назад. Не успели еще как следует ознакомиться с местностью, развернуть работу, как по радио был получен приказ: пакемам с инструментом и ранней срочю явиться в Кандалякшу, одному остаться на хозяйстве. Начальник отряда приказал остаться мне, потому что я ходил на лыжах хуже всех, а переклад до железной дороги предстоял трудный.

И вот уже седьмой день, как я живу один. Совершенно одна во всей тайге. На мой домик приоткрыла под скалой. У самой двери растет высокая береза. Ствол у нее толстый и удивительно прямой. Немного подальше протекает ручейка. Ее воды струятся за темного гора, бегут по камням и образуют в километре отсюда небольшое озеро.

Сегодня утром в моей комнате было очень холодно. Железная печь покрылась инеем, который искрился в свете керосиновой лампы. Огни совсем задушил мороз. Мне не хотелось вылезать из-под одеяла. Не привык я к такой жизни. В московской квартире, где я жил, было всегда тепло. И да здесь я обычно поднимался с постели, когда на улице уже запылали чайник и дежурный объявлял: «Общественная мерзлотная, прошу вставать!» Пробудили и меня называли на дежурство, но из этого ничего не получалось. Печка у меня пономуто разогрелась давно, дымилась, и чай поставил не раньше, чем к полуночи. Когда я остался один, печка стала послушнее. Мне удалось разгадать некоторые ее секреты. Оказывалось, она лучше разогрется и почти не дымит, если дрова выберешь постеле и накопашь их по мере.

В эти же дни я постиг еще одну житейскую мудрость: променяешь — сразу поднимайся с постели, а если задерживаешь хоть на пять минут, то наверняка потом провалишься часа два, напрасно потеряешь время. И потом: сколько ни лежи, в комнате от этого теплее не становится, печка сама не затопится. Не гоняя, я пролежал всего двадцать две минуты. Через час печка была уже красной, и на окнах начался иней. Я подпрыгнул себя с постели, вынул сапоги, оделся.

Дома обычно я занимался по утрам гимнастикой, а здесь вместо гимнастики колотил дрова. Сегодня мне пришлось тутовать. Я запылся от мороза, то и дело тер шею и нос. Проморозил носовые мосты: разветлялись от одного удара топора так, что пальцы приходилось поному вытаскивать из глубокого снега. Яркие звезды на небе часто мигали. Мне казалось, что они жужжат и дрожат от стужи в черной вальше. Длинные фосфорические полна северного сияния, развешанные по небу, мерно колыхались.

Вернувшись в комнату, я обнаружил, что термометр лопнул. Повесил новый. Минус сорок один градус. Вот это да! Мне никогда не приходилось бывать на таком морозе. Впрочем, это не так уж страшно, только кажется, что воздух какой-то жесткий.

Пока готовил завтрак, а, надо сказать, дело это сложное и кропотливое, пока еда, за окном распустила.

С детства меня тянуло к природе, и поэтому сейчас, в пору вынужденного безделья, я пелыми дровами брожу по тайге.

ЖИНА

Зимой в тайге так тихо, что голова кружится, если стволы прислушиваться. Иногда только сухо трещит сосна от мороза, а то в темную ночь зашлепает филин, и ему долгим, протяжным стоном ответит рысь. Услышав этот крик, проносятся испуганные олени и лоси, выдымая тучи снежной пыли, ломая сучья,— и опять тишина.

Какая-то шамальная рысь каждую полночь приходит к нашему домику. Она забегает на самую вершину березы и кричит. Впервые она пришла дней шесть тому назад. Ее крик разбудил меня, но прошло несколько дней, и я привык к пронзительному мурчанию. Теперь, если рысь опадывает, мне даже не спится.

Недалеко от домика, на голой скале, стоит сосна в белой шапке. Мне кажется, что это мохнатое чудовище было когда-то живым, но однажды внезапно очутилось на краю пропасти, глянуло вниз и, распорхав лапы, замерло в ужасе.

Скуки ради я выдумываю разные истории про деревья, горы и озера. Оживляю их, и они становятся веселее. На берегу речки под высоким глиняным обрывом есть могила: она обложена разноцветными камнями. С восточной ее стороны лежит большой серый валун. Отсюда хорошо видны тасканые валуны. Отсюда правится сидеть там у костра. Столбы тасканого сухоты порастают едва заметным

мхом, и он, сгорая в пламени костра вместе с кипищей смолой, издает удивительно острый запах.

Подойдя к обрыву, я услышал журчанье. Не ушел ли сегодня, в соркарадушный мороз, ручеек не утомонился? Так и есть. На грота идет пар гуще обычного. Он инеем оседает на черных камнях, образуя белые, как молочная каша, грозды цветов. Как и вчера, журчит вода, только торопливей, прозрачней. Струи, как весной, бегут, игриво попрыгывая по камням, позванивая весело, а тут дышать нечем, земля трескается и стонет от холода.

Я сиел лыжи и спустился с обрыва к своему излобленному валуну. Через несколько минут у моих ног уже пылала душистый костер.

Внизу растянулись незамерзающие болота, подернутые дымкой тумана. Выходило красное северное солнце, и казалось, что на болотах пожар. Опять костра ласково пригрела грудь, лыжи. Я закрыл глаза. Вдруг мне похвлялся женский голос:

— О-эй!

Я встрепнулся, подумал: «Странный сон!» Но крик, словно эхо, повторился:

— О-эй!

Тогда я оглянулся. Над гротом стояла девушка с протянутыми ко мне руками. Как она здесь очутилась? Девушка взмахнула руками и ушла. Я встал. Может быть, это все-таки сон? Нет, на снегу в самом деле лежала девушка. Спотыкаясь о камни, я побежал к ней.

Ее меховая куртка, изорванная на спине, была в крови. Юбка, ватные брюки, белые валенки — все забрызгано кровью. У меня закружилась голова. Дело в том, что я даже на картинку не могу смотреть равнодушно, отворачиваясь, а тут...

Что делать? Проклятая свою дурную слабость, а кусая губы, но раковой, разумеется,

не становилось от этого легче. Ее надо было поднять и отнести в теплую комнату. Но хват ли у меня сил дотащить эту рослую девушку?

С трудом, но я все-таки принес ее в комнату и уложил на кровать. Девушка все еще не приходила в сознание.

Отдыхавшись, я вспомнил, что у нас есть аптечка. Выложил на стол все банки, коробочки, бинты и в недоумении уставился на них: что же теперь делать? Наконец сообразил, что больную надо привести в чувство и сделать перевязку. Так, кажется, рекомендует брошюрка о первой помощи. Нашейтарый спирт не помог. Тогда я принял новое решение: расклевать докрасна пеленку, поставить греть воду, а затем начать перевязку.

Раны оказались неопасными, на мой взгляд. Самыми глубокими были следы кляклов рыси между лопаток. Глаза оказались нетронутыми, только на лбу ссадина. На спине было несколько длинных царапин.

Во время перевязки девушка скрипела зубами, но глаз не открывала. Сказала у меня дрожали руки, и старался возможно легче прикасаться к ранам, боялся причинить боль. Дело продвигалось очень медленно, промывка раны могла затннуться на час, если не больше. Тогда я вспомнил лириков. Говорят, что они безжалостны. Как хорошо я понал их «безжалостность» в эти минуты! Смилов вату в растворе марганцовки, я стал действовать быстро, уверенно. Девушка глухо стонала, но я не обращал на это внимания.

Наконец все кончено. Раны забинтованы, больная спит, ровно и глубоко дыша. «Хороший признак!» — решила я, наложив полную пеленку дров, сел к столу и сразу почувствовала небывалую усталость. Голова опускалась, все ниже и ниже. Я убеждал себя в своевременной необходимости выйти на улицу, освежиться, но почему-то все откладывал это намерение. Думал, поспуку минутку и выйду.

Но я не успел заснуть: раздалось мурчанье рыси. Девушка вскрикнула: ее большие светлые глаза смотрели куда-то вверх, а рука искала что-то у пояса, наверно, нож. Внезапное пробуждение было коротким; заставо, она упала на кровать, прямо на спину. Я повернул ее на бок и не отходил от постели, потому что при каждом вскрике рыси она пыталась подняться.

Как выбраться от проклятой рыси? Решил выстрелить из ружья, другого выхода не было. Вышел в сени, высузил ствол из дери и нажал на спусковой крючок. Это прогремело в тайге, и наступила полная тишина, та тишина,

от которой голова кружится, если прислушаешься.

Когда я вернулась в комнату, девушка уже спойно спала. Печка прогрелась, становилось прохладно. Глянув на часы и удивилась: половина седьмого. Почему так рано сегодня приходила раса?

Думал, думал, что приготовить на ужин, и решил опять жарить судака. На этот раз, впервые за все время, судак не подгорел, потому что я не отлучалась от плиты, боясь, как бы не был чад — это предостережение для большой. Ужин получился на славу. Я искренне ждал, что гостя не может попробовать чудесной рыбы моего приготовления. Мне хотелось сделать девушке что-либо приятное, я был так рад гостю, упрившись мое тихое одиночество.

Одиночество! Когда в сорок пятый году я окончил десятилетку, отец и мать хотели, чтобы я поступила в университет, на филологический факультет, где они работали преподавателями, а потом в аспирантуру и, таким образом, остался бы дома. Я рос как-то не так, как все, из меня получался уменьшенный профессорский сынок-паньина. Я решил стать геологом и уйти из дому «на настоящую жизнь». Знаю, что будет трудно после комфортабельной московской квартиры жить в палатках, деревенских избах, бродить по полям под дождем, на ветру. Но именно этого мне хотелось. И вот уже второй год работаю инженером, а чувство разочарования ни разу не посетило мою душу, хотя порой приходится несчастье. Возврат другое: за двадцать пять лет я еще не влюблялся по-настоящему. Были увлечения, но все это не то. Товарищи говорят, что я сам виноват. Но в чем же моя вина? В том, что не встретится девушка, которую я мог бы полюбить? Они утверждают, что мои чувства поочинены холодному рассудку, а для любви, мол, это гибель. Другие говорят, что я начитался плохих романов, выдумал несуществующий в жизни идеал девушки и тщетно рассказываю его. Может быть, это и правда.

Помню, в школе на комсомольском собрании меня назвали неженкой, посоветовали глубже уйти в настоящую, трудовую жизнь. Ушел, сталиться выхлопом инженером. Хотя и не блестяще, но уже научился ходить на лыжах, жарить судака, даже больше сам спирую, вот в «делах сердечных» остался все тем же «колдовым» и до сих пор ни в кого не влюбился.

На Северном Кавказе у нас в отряде была девушка, тезка. Бесъ отряд в ней души не чадал, она любила меня, но я к ней был равнодушен. Кто-то сказал: у нас любит друг друга не за внешность, а за богатство души. Тамара была человеком богатейшей души. Умница, чуткая, правдивая, начитанная, но меня никогда не гнуло обнять ее, поцеловать... В ней не хватало какого-то женского обаяния, изыска.

Обо всем этом я размышлял за ужином, поглядывая на девушку, которая сделала меня ладьяным. Вспомнил Вольфу у гладыша, коротко остриженные, цвета молодого соснового коры, только носетелые, золотистые. Тонкие прямые брови совсем белые и на бледном лице почти незаметны. Я вспомнил восторженный взгляд ее голубых глаз, и мне показалось, что и сейчас ее лицо было немного нахоженным... Может быть, это и есть та, которую я так долго искал? Получалось даже красиво: «На далеком севере она пришла к нему, пробогнув свою табу. На нее навали звери, она отбивалась от них и все израненная пришла к нему, принесла свою волющую любовь.»

Размечтавшись, я верил всевозможные все так и будет. Прозвучавшая болшая часов а девять утра. К моему аресту на доске объявлено название в кармане ее куртки, я узнал, что она карелка, комсомолка, охотник. Зовут ее Хельми. Выгребая золу из чехли, я почувствовал на себе ее взгляд, оглянулся.

— Ты кто? — едва слышно спросила девушка.

— Инженер... Андрей Сидельников.

— А я Хельми... охотник, — громче ответила болшая. — А ты один?

— Двесь! Оди.

— Совсем, совсем?

— Да.

Хельми спрянула голову под одеяло, затем, делая неслучку для глаза, спросила:

— Ты сам меня перевязывал?

— Сам.

Я предложил ей завтрак. Сначала Хельми никак не соглашалась, чтобы я кормил ее, пыталась самостоятельно орудовать вилкой, но каждое движение вызвало у нее боль. Наконец ей стало невозможно, и она смирилась со своим положением беспомощного ребенка.

Я прислулялся Хельми как мог и был на седьмом небе. После завтрака она уснула.

На улице рассвело. В отставшие окна заглянуло солнце, и тут я увидел, какое убогое зрелище представляла собой моя комната. Под затоптан, кругом валялись пустые консервные банки, книги, какие-то тряпки. Койки товарищей не заправлены. Да и сам я небритый, одет небрежно. «Хорошо, думаю, — если Хельми не успева замечать всего этого.» Мышка нельзя было ни минуты, и работа закончилась. Я согрел два ведра воды, вылил их на пол и принялся тереть некрашенные сосновые доски березовым венником. Посмотрела бы на меня в это время папа с мамой, ну и слез было бы! Вдруг до меня доносился огромный смех. Я испуганно выглянул из-под стола.

— Почему так много воды льешь? — спросила Хельми, сдерживая улыбку.

Я притих под столом, как мышь, и не знал, что ей ответить.

— Смотри, утонец, — добавила девушка. Вылезая из своего укрытия, я с виноватым видом объяснял:

— Не умею... никогда не приходилось мыть пол.

— Ничего, научишься, — сказала она, ласково улыбаясь.

Давные и продолжал мыть пол под ее руковоством. Во время приготовления обеда Хель-

ми также командовала мной, а за собой я командовал ею. Так и делился наш роли.

После обеда она сказала:

— Ты плохо перевязал. Раны надо осмотреть...

На минуту возникло невольное молчание. Хельми стеснялась меня и не хотела вылезать из-под одеяла. Однако делать было нечего. Я помог ей сесть поудобнее и начал снимать бинты. Руки у меня опять задрожали.

Хельми тронула язык за ружав и с горьким упреком сказала:

— Какой же ты мужчина? У мужчин руки должны быть твердыми. Ну, смей!

Первые дни разговор у нас как-то не клеился. Хельми коротко рассказывала о своем колхозе, о том, как на нее напала раса и как она ножом перерезала ей горло. Я рассказывал ей о себе. На том наша беседа и кончилась. Попробовала распространить ее об охоте на лисиц и неслез — ведь это так интересно, — но Хельми ничего захватывающего рассказывать не могла. У нее явно не хватало фантазии. Это меня огорчило. Моя романтичная влюбленность таала, как ледяные узоры на стекле: теперь я усердно топил чехли. На душе сделалось как-то тоскливо, серо. Ходить в табу я не мог — неудобно оставлять девушку одну, да к тому же разубеждалась пуга. Чувств? Эта мысль мне пришла только на третий день. Поле в чеходах и увидел шахматы, про которые совсем забыл.

— Хельми, ты играешь в шахматы?

— Да, только плохо.

Действительно, играла Хельми слабо, но быстро перехватывала мои приемы. С каждым днем она передавала фигуры осмысленнее, ста-

— Самые лучшие снасти — руки. Одевай!

Хельми взяла вешевый мешок, но не могла заплести топор за ремеш, которым подпоясывала свою меховую куртку. Лопату с короткой ручкой взял я. Как ловят зимой рыбу лютаяй и топором, мне не приходило видеть, но я ни о чем не спрашивал, ждал, что будет дальше.

День выдался не очень холодный, Хельми предложила перед рыбной ловлей покатайся на лыжах. Она уже показала мне несколько приемов ходьбы по ровной местности, которые я, по ее мнению, усвоил отлично, и теперь хотела поучить кататься с гор.

С помощью Хельми я кое-как взобрался на крутую сопку, а лететь вниз не решился. Для первого раза я предпочел бы горку пониже. Но Хельми воспротивилась.

— Смотри, как надо. Хорошо смотри,— сказала она и вихрем понеслась по склону.

Я внимательно следил за ней. Казалось, не Хельми авирровала между камнями и деревьями, а они отступали, давая ей дорогу. Наконец она остановилась и, смеясь, позвала меня. Я крепко сжал палки и понял, что не сумею спуститься «как надо». Разве проскочишь между валунов и колочих кузмет? Было очень страшно, а отступить нельзя: застел, жити — даст озорной девчонка. Была не была — ринулся вниз. Сначала все шло хорошо. В упух свистел ветер, победа, казалось, была близка, но вдруг лыжи стали разбегаться в стороны, потемнело в глазах, а потом начал переноситься вперед логам сонка, лес... Какжется, они еще не успели перевернуться, как у меня над головой раздался девичий смех. Я выкарабкался из сугроба. Хельми стояла рядом со мной и звонко хохотала.

— Странное дело: я терпеть не могу, когда надо мной потешаются, но смех Хельми почему-то не обижает меня. Напротив, мне самому стало беспричинно весело, и я тоже рассмеялся.

Хельми сказала:

— Давай опять вверх!

Я пробовал отказываться, но безуспешно. И началось: вверх — вниз, вверх — вниз... Устал, вывалился в снегу, а ей хоть бы что. Раскраснелся, смеется, белкой забрызгана наверх, птицей летит вниз... Только на шестой раз мне удалось съехать благополучно.

— Теперь давай рыбу ловить,— сказала Хельми.

Пройдя тайгой с километром, мы вышли к озеру. На берегах его проносились заволоды буреломы. Сломяные столы лежали на серых скалах, в развилках живых деревьев.

— Хельми, посмотри, как красиво!

— Это красиво? — отозвалась она, раскрасневшая лопатой снег.

— Деревья, камни, швей — все!

Хельми посмотрела вокруг, равнодушно ответила:

— Да, очень красиво.

— Ну что ты такая каменная! — с досадой воскликнула я.

Она удивленно посмотрела на меня и в-род мохнотого лысого труха, усмехнулась:

— Ты чудной. Рыбу ловить надо. Руби лед. Я с ожесточением стал рубить лед. Крошки льда летели во все стороны, абилавался заворотник, попадали в рот. Я жмурился, отворачивая лопатой снег.

— Ах, какой ты, Андрюшка! — покачала головой Хельми — Такой умный, все знаешь, а лед рубить не умеешь. Смотри, как надо, хорошо смотри!

И кто ее знает, как она рубила, а только от ее ударов брызгал ледяной низом, лед же крошился, а отваливался глыбами.

Рыба была готова, и Хельми с меня семь топоз сошло, а Хельми только сняла рукавицы, шапку и загорелась румянцем.

Когда прорубь была готова, Хельми утеслась в снег.

— Садись,— сказала она мне,— курн свою трубку. Скоро будем ловить рыбу.

Я постарался скрыть свое недоумение: в самом деле, лопату брали, чтобы раскопать снег, топоз — сделать прорубь, а чем рубить ловить? Не ружья же?.. Но ловить пришлось именно так. Все оказалось очень просто. Озеро не проточное, во льду — ни одной отдушники, и рыба, которой, конечно, не хватало воздуха, шла к проруби, как рыба к нам в руки.

Когда возвращались домой, Хельми долго о чем-то думала, а потом с грустью сказала:

— Послезавтра я от тебя уйду.

— Как? — вырвалось у меня.

Я знал, что мы скоро расстанемся, но старался об этом не думать. За три недели у нас сложились интересные взаимоотношения. Хельми стала для меня самым дорогим человеком. Вель я принес ее на руках, как ребенка, ухаживал за ней, когда она болела, был для нее женой и другом. Из моих слов, из наших споров она, наверно, почерпнула немало полезного. И в шахматы она теперь играла так, что мне иногда приходилось соглашаться на ничью. Я гордился ею, как учитель хорошим учеником. И Хельми много сделала для меня. Благодаря ей я за это время узнал многое, в моем сознании произошли какие-то перемены.

— Мы долго шли молча, а потом я спросил:

— Почему ты уходишь послезавтра, а не завтра мы пойдем туда, где на меня напала река. Там мои вещи. Я возьму их и тогда уйду.

На последнем слове ее голос осекся, она как-то ссутулилась, будто под непосильной ношей.

До самого дома мы шагали в тягостном молчании.

Утро следующего дня было очень теплое. Не снег, а вода шла сверху, заставила сменить с засохшей вершинкой, километром с дельтой от нашего дома, мы обнаруживали место битвы Хельми с рысью. Хотя все здесь занесло снегом, мы без особого труда нашли сломанные лыжи, ружье, кривой охотничий нож. От рыси остались одни кости: мясо съели толкунские волки. Они же распростирали рюкзак Хельми, и я немало удивился, когда увидел шкеловые плавань, туфельки на высоком каблуке, зеркала и другие предметы девичьего туалета, вывалившиеся из рюкзака.

— Ты всегда берешь с собой на охоту правдивое платье, Хельми?

Она посмотрела на меня и молча стала укладывать вещи. Я не вытерпел и прямо потребовал объяснения.

— Не надо спрашивать,— умоляюще ответила Хельми.

Я настаивал. Она почему-то покраснела, опустила голову и стала рассказывать.

Отец хотел, чтобы она вышла замуж за колхозного бригадира. Хельми не нравился бригадир. Ее любимый учился в Ленинграде. Она написала ему обо всем. Он ответил: «Приезжай ко мне». Но отец — председатель колхоза — сказал так, что лопату отбросил в стаки ветви ее же дачи, которая находилась в стаки километрах от села. Тогда Хельми стала на лыжи и пошла напрямик через тайгу.

Я слушал ее рассказ, и она преобразилась в моих глазах. И потом, когда мы шли домой, это ощущение меня не оставило. Высокая, стройная, туго загнутая солдатским ремнем, она шла своей обычной, легкой походкой вперед мене, обходя камени, пригибаясь под ветками деревьев, была в удивительных и точных движениях и видела только тренированную ловкость охотника, силу, совершенно необходимую для жизни в суровой тайге. Теперь в тех же движениях для меня вдруг открылась, кроме ловкости, какая-то особая удивительная грация. Это же следы большого человека, чтобы пойти к нему через тайгу!

Вернувшись домой. Ужнать не хотелось. Хельми готовила свои вещи в дороге, я перелистывал книжку и, разумеется, ничего в ней не понимал.

Хельми, наверно, поняла меня. Ей тоже было трудно. Я слышал ее осторожные движения, тяжелые вздохи. Вот она подошла ко мне и заговорила так, как умела она говорить: ласково и строго.

— Ты хороший, Андрюшка. Лучше всех. Я тебя сильно люблю. Печка тоже любит тебя любить. Я ему все расскажу. Он тоже лучше всех. Ты обязательно приедешь к нам... Не сердись на меня, но я не люблю тебя. Есть много девушек лучше, чем я. У тебя будет самая лучшая...

Я слушал ее, дрожал, как от озноба, и думал: «Почему я не расшиб свою голову башкой о камень, когда она была на сопке?»

Утром мы распрощались, и она ушла. Но не одну тоску оставила мне Хельми, чье имя по-карельски означает — Желчужина. Я знал теперь, что могу любить и обязательно полюблю...

новилась упорнее и никогда, даже при явно прогрессирующем положении, не сдавалась сразу. Но главное сделали книги. Я прочитывал вслух несколько глав, и мы начинали обмениваться мнениями. У нас возникали споры о героях, о их поведении. Возникли споры и по общим жизненным вопросам, но взгляд Хельми именно на эти вопросы меня не радовал. Получалось как-то так, что она во всем хотела видеть прежде всего практический смысл. Даже когда я ей, бывало, прочитывалые лекции по истории или по искусству, она все примеряла к своей тяжелой жизни, к своему колхозу. Конечно, не всякий может делать обобщения. Но вель может же человек заботиться о красноте, размещается, расчувствоваться. А Хельми сучовата. Зато какая у нее жажда знания! Она часами слушала мои «лекции» с широко открытыми глазами.

Так мы и жили. Четверо суток гудела тайга. Вздвигался испуганно наш домик, скрипела кровля, тревожно охало в трубе. Огни нашего домика совсем занесло снегом, дверь на улице невозможно было открыть. И мы целыми днями просиживали за книгами или за шахматными горячий пекти.

Рыбу Хельми быстро заканчивала. Через несколько дней она уже ходила по комнате, а на восьмой день подкладывала в печку дрова, мыла посуду, готовила еду. Правда, я категорически запрещал ей работать. Но она обескураживала меня своим задорным смехом.

Через две недели Хельми могла уже ходить на лыжах, а спустя еще несколько дней как-то утром сказала:

— Я хочу свежей рыбы. Пойдем ловить.

— Но у меня нет никаких снастей.

— И Карабанов и Жуков начинали свою работу на этих станках,— говорит мастер Измайлов своим новым воспитанникам.

Фото В. Смотаникова.

ЗРЕЛОСТЬ

М. РУССКОВ

Мастер ремесленного училища № 8 Альберт Александрович Измайлов вел по территории Сталинградского тракторного завода группу новиков-воспитанников. Ремесленники были острезаны ногою и одеты в новенькое, тщательно отглаженное обмундирование; только на Ване Жукове не было формы. Ваня — высокий, нескладный паренек — шествовал в коротком пиджаке и старом, с попухавшим козырьком картузе. Он прискакал только сегодня утром, еще не успев получить обмундирование и сейчас чувствовал себя неловко в строю шеголеватых ремесленников; стараясь спрятаться за спины товарищей, поминутно сбивался с ног.

У входа в один из заводских корпусов мастер остановился.

— Осмотр завода начнем с моего цеха, — сказал он.

Первым, кого увидел Ваня, когда вошел в цех, был молодой невысокий рабочий в полосатой флотской телняшке, с буквами «РУ» на жарко выдренной блузке ремня. Парень в телняшке устанавливал на станке заготовку. Вот он укрепил ее, нажал кнопку, и на другом конце станка завертелась длинная сверла, медленно двинулась к заготовке и легко прошила сквозь ее чугунные стенки. Рабочий поставил заготовку с отверстиями на вод, потянулся за другого ломками, толчками, красными движениями.

Вдруг над самым ухом Ваня Жукова раздался сердитый автомобильный гудок. Подросток метнулся в сторону. Мимо него проехал грузовик, доверку нагружен-

ный сверкающей металлической стружкой. Жуков растерянно огляделся; мастера и товарищей рядом не было; в огромном, залитом солнцем цехе гудели, шумели сотни станков и машин. Он испугался, и в этот момент кто-то тронул его за плечо. Обернулся — перед ним стоял парень в телняшке.

— Растерялся? — добродушно спросил он. — Ничего, привяжи Альберт Александрович туда повел ваших.

Ночью Ваня долго не мог уснуть. В спальне, заставленной криватыми, мерно тикали часы, за окном шумели деревья. Мягкая, пахнувшая свежим бельем постель казалась Ване уютной. В ушах его все еще стоял грохот и гул заводских цехов.

Ваня встал, оделся и на цыпочках, чтобы не разбудить товарищей, вышел в спальню. Он сразу же попал в полосу яркого электрического света, подвинул из комнаты дежурного воспитателя.

— Кто это? — спросил Измайлов, выходя в коридор. — Ты, Жуков? Почему не спишь?

— Не хочется что-то, — ответил Ваня и вдруг вывалил: — Не буду здесь учиться, обратно уеду в деревню!

Мастер обнял подростка за плечи, усидя рядом с собой на диване и заговорил:

— Это хорошо, что ты хочешь вернуться в родную деревню. Только не понимаю, почему ты не хочешь учиться. Вот окончишь училище, получишь специальность токаря, тогда и поезжай.

— Какой из меня токарь... совершенно махнул рукой Ваня.

Мне теперь к цеху и подходить боязно...

И он рассказал, как ошеломило его первое посещение завода.

Мастер улыбнулся:

— Парень в телняшке, с которым ты говорил,— раточник Карабанов, наш бывший воспитанник. Он тоже пришел из деревни и тоже растерялся, когда впервые попал в цех. А сейчас он один из лучших рабочих завода. У тебя же впереди два года учебы. При желании за это время можно стать хорошим токарем...

Долго рассказывал мастер Жукову об училище, о том, какие условия созданы для учебы, как воспитанники отгадывают. И от его ровного, ласкового голоса на душе у подростка стало легче.

***

Вечер отдыха был в разгаре. Только что закончилась лекция, и воспитанники ждали начала концерта художественной самодеятельности. На сцене за занавесом кто-то тихонько наигрывал на

аккордеоне. Временим доносился стук молотков: члены драматического кружка готовили декорации.

В углу актового зала, возле сцены, группа ремесленников ведала громкий разговор. Юрий Заборовский, невысокий подросток с густыми рыжеватыми бровями, воскликнул:

— Ну и отягичил сегодня ты, Ваня! Полтора задания выполнил.

— Да на наших станках можно еще быстрее работать,— хвалился Ваня Жуков.— Стоит только увеличить число оборотов!

— Загнул! Загнул! — закричали ребята.— До скоростного метода тебе еще далеко...

Жуков вскрикнул:

— Идемте в мастерскую!

Юрий удержал поспешников:

— Сейчас позволь, мастерские на замке, а вот завтра посмотрим!

Едва первые солнечные лучи упали на покрытый пятнами мазуту под, Жуков пришел в мастерскую. Там его уже ждали. Не глядя на товарищей, он надел халат и включил станок. Все, затан дыхание, следили за действиями Жукова.

— Десятьсот оборотов! — тревожно заметил Заборовский.— Смотри, Иван, не зарвелся!

Тот не ответил. Резец сначала вошел в стальную заготовку, словно в масло; на пол, сбиваясь в спираль, пошла широкая металлическая стружка и вдруг оборвалась. Над рецом взвился легкий дымок. Ваня выключил мотор и переменял резец. Но через несколько минут и второй резец вышел из строя.

— Что, не клеится дело, Жуков? — услышал Ваня знакомый голос за своей спиной, обернулся и увидел мастера Измайлова.

— Реצים горят,— смущенно опустил глаза Ваня.— Вот если бы пообточиле!

Взгляд мастера упал на стол возле станка. Там лежал с горкой готовых деталей — десятки защитные очки. Альберт Александрович нахмурился:

— Отличник, а правила технической безопасности не соблюдал! Скоростной метод без разрешения применил, очки не надел... Что, если бы детали из хрупкого металла были — чугунные или бронзовые? Вель от них брызги так и летели!

Мастер укоризненно покачал головой, прошел к своему столу и уже оттуда сказал ребятам:

— Ленинградский токарь Вадим Брюков изобрел недавно новый резец: из обычной стали, а по прочности не уступит победитовому!

Готовый трактор скрывает монвеера.

...Вани ей густые щи со сметаной и прислушивался к разговорам товарищей. Она делалась впечатлением прошедшего дня, обсуждала новости, сплоскены их ушлица заняли первое место на областных соревнованиях общества «Трудовые резервы».

В столовую вбежал запыхавшийся Юрий Заборский, обвел глазами зал и гонится к столу, за которым сидят Жукос:

— Там, около проходной, Бирюков!

У главного входа на завод, окруженный рабочими и инженерами, стоял молодой худощавый блондин в темносинем костюме. На лачанке его поджака блестял значок лауреата Сталинской премии. Ребята сразу узнали знакомого токаря, подошли, но никто не осмелился заговорить с ним. Бирюков сам начал разговор:

— Вы из восьмого ремесленно-го? Что же такие негостеприимные? Приглашайте, успехов похваляйтесь.

По дороге в мастерские Жукос спросил:

— Это верно, что вы изобрели новый резец?

— Не совсем. Я усовершенствовал обыкновенный резец, стал зачищать его под отрицательным углом.

Вани недоверчиво взглянул на токаря:

— Но ведь отрицательный угол — тупой! Как же можно таким резцом резать металл?

Бирюков только улыбнулся, а когда пришли в мастерскую, стал к станку, подмигнул Ване:

— Становись, друг, к соседнему станку. Будем обтачивать одинаковые детали: я — тупым резцом, а ты — острым.

Резец Вани «сгорел» после трех деталей. Смущенный воспитанник присоединился к группе товарищей, наблюдавших за работой заготовочного токаря. Перед Бирюковым росла горка обработанных деталей.

Наконец он выключил станок и, отыскав глазами Жукоса, протянул ему резец:

— Вообщем, тебе его хватит надолго.

***

Вани закончил чертеж и уже начал собирать гонтоальную, когда в читальную зал заглянул один из воспитанников и негромко произнес:

— Жукос, к директору!

Вани был членом комитета комсомола училища, и ему часто приходилось бывать у директора. Но сейчас, войдя в кабинет, он нелегко остановился. Здесь за длинным столом собрались почти все преподаватели и мастера. Жукос покраснел, чувствуя их пристальный взгляд.

— Расскажите нам, как вы работаете, работаете, — сложиво и оборачиваясь к директору, — Бирюков много бьют?

— Да бьют...

— Разрешите внести поправку, — сказал, обращаясь к директору, мастер Измайлов, — Жукос неточен. За все время у него было только два случая брака, да и то незначительного.

Значит, не бьют, а бьют, — улыбнулся директор. — Вот что, товарищ Жукос, наше училище получило заказ от машино-тракторной станочной области на токарно-винторезные станки-автоматы. Будем изготавливать их силами предприятия. Вам предлагаем заняться расточкой деталей.

Фото Г. Воросова
и В. Тюкелю.

НА БЛАГО НАРОДА

Новая радость пришла в каждую советскую семью: 1 апреля люди увидели в магазинах таблички: «Цены снижены».

Подешевели хлеб, мука, чай, соль. Покупатели теперь затратят меньше денег, чтобы приобрести ткани, готовую одежду, обувь, трикотажные изделия. Резко понизились цены на культтовары, мыло, керосин, товары хозяйственного обихода.

В магазине № 11 «Москорторг», Студент негетного института Игорь Царапин покупает себе летнюю обувь.

Много хозяйственных товаров в магазине Сходненского сельпо Московской области. Продавец В. И. Уйменов беседует с покупателями о новом снижении цен.

Успехи, достигнутые нами в развитии народного хозяйства, позволили провести седьмое по счету снижение цен. В результате этого снижения население получит только по линии государственной и кооперативной торговли прямую выгоду в расчете на год не менее 20 миллиардов рублей, не считая дополнительной выгоды от снижения цен на колхозном рынке.

Цены прошлого года в среднем были едва ниже цен 1947 года. Теперь новое снижение. Коммунистическая партия и Советское правительство строго и неуклонно проводят политику, направленную на повышение материального и культурного уровня советских людей. Забота о благо народа является для нашей партии высшим законом.

Вани оторопел от неожиданности. Расточка деталей — очень сложная и ответственная операция. Обычно ее выполняет токарь шестого разряда. У Вани же нетолько не было еще разряда, но он всего лишь год занимался в училище.

— Подумайте хорошо, прежде чем соглашаться, — продолжал директор. — Будет ведь тяжело.

...От центра Тракторозаводского поселка лучами расходится в разные стороны длинные теннисные аллеи. Жукос долго бродил по одной из них в ожидании, когда закончат работу дневная смена. Наконец послышался протяжный басовитый гул. Вани поспешил к директору, устроился там так, чтобы не было отсыкания в кильнувшей с завода лавине рабочих того, кто был ему нужен. Завидев в толпе знакомого парня в тельняшке, он кинулся к нему.

— За помощью пришел. Поможешь? — И он рассказал о задании, которое ему поручил директор.

Карабанов взглянул на часы.

— Добро. Пообедаю и займусь к тебе в мастерскую.

В мягких полусумерках мастерской слабо полблескивали стальные корпусы станков. Со двора доносились звуки ударов по мячу. Там играли в волейбол.

— Главное в нашем деле — точность, — говорил Карабанов Жукосу. — Самую маленькую ошибку допустил — и готово, брак!

Не сразу освоил Жукос новое дело. Много было у него неудач. Но комсомол не отступал рук. Он часами просиживал в библиотеке, обращался за помощью к начальнику мастерских, к старшему мастеру Измайлову, ходил в цехи завода смотреть, как работают другие. И все же добился своего: настал день, когда он выполнил норму токарно-расточки. В училище на Доске почета появился его портрет.

***

На перроне Сталинградского вокзала было многолюдно, шумно. Играл духовой оркестр.

У вагонов топилась молодежь. Многие были с цветами. Слышались последние напутствия. Сталинградцы провожали лучших своих комсомольцев на освоение целинных и залежных земель. В числе отъезжающих был и Вани Жукос.

За несколько минут до отхода эшелона на перроне появился мастер Измайлов. Он быстро шагнул по мокрому асфальту, пристально вглядываясь в лица отъезжающих. Вани устремился к нему:

— Альберт Александрович! Мастер улыбнулся и протянул руку:

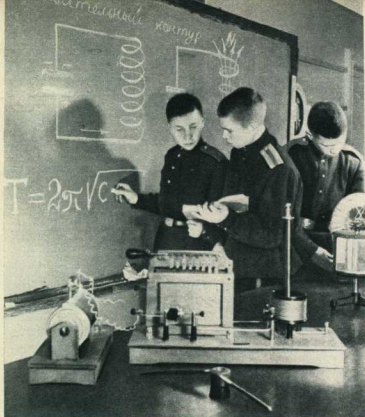
— А я уж думал, не увижу тебя, чуть не опоздал.

— Они не спеша пошол вальд поезда.

— Поминтай мне, Ванина, — заговорил Измайлов, — ты после училища добился возвращаться в родное село?

— Совершенно будет то село, куда меня пошлют, — просто ответил Вани.

ДЕНЬ В СУВОРОВСКОМ УЧИЛИЩЕ

В седьмом классе задержались после уроков.

За окнами огромного, старинной архитектуры здания на берегу Воаги светает. 6 часов 30 минут. Тишину нарушает сигнал горниста.

— Подъем!
И сразу в доме все приходит в движение. Звучат короткие команды, в коридорах раздается топот сотен ног. На физическую зарядку бегут мальчишки в черной форме с белыми погонами и лампасами.

Так начинается день в Каулинском суворовском училище. После осмотра и завтрака — занятия.

В приоткрытую дверь видны склоненные над тетрадками стриженные головы малышей.

Идет диктант. На одной из парт курносый мальчуган задумался, не зная, как написать трудное слово...

В противоположном конце корпуса, там, где занимается старшеклассники, слышатся объяснения тригонометрических формул, уверенный стук мела о доску. А во дворе выстраиваются суворовцы для строевых занятий. Выше-сержант командует: «Взвод, смирно! Равнение направо!» — и, печатая шаг, подходит к преподавателю по физподготовке, докладывает, что взвод к занятиям готов.

Михайлов, один из первых выпускников училища. Обнял малыша за плечи, они расспрашивали их об учебе, о «боевых» делах.

Интересно сложилась военная служба старшего лейтенанта Виктора Жукова. Сын партийного работника, погибшего во время войны, он тринадцатилетним мальчиком поступил в суворовское училище, успешно окончил его и, получив затем офицерское звание, служил в одной из войсковых частей. Сейчас бывший суворовец Виктор Жуков назначен офицером-воспитателем в то же училище, где сам когда-то сидел за партой.

— Просторная, светлая комната. Это класс первого взвода, первой роты. На стене красное знамя. Оно завоевано взводом в традиционном кроссе училища.

В классе идет комсомольское собрание. На повестку дня один вопрос: прием в комсомол суворовца Льва Карбачинского. Комсорг взвода Елисей зачитывает заявление: «Прошу комсомольскую организацию принять меня в члены ленинского комсомола...»

С места поднимается рослый юноша. Расправляя складки гимнастерки, немного волнуясь, он рассказывает о своей жизни.

Биография его проста, она похожа на биографию десятков его сверстников: родился в 1934 году в семье рабочего, пятнадцати лет поступил в суворовское училище; на первых порах трудно давалась учеба, отомогли одноклассники и преподаватели, и теперь суворовец Карбачинский идет наравне с товарищами. Свободное время он отдает любимому занятию — рисованию.

Предложение — принять Карбачинского в члены ВАКСМ, Голосуют все комсомольцы. Покрасневшим от волнения юноша смотрит на товарищей. Принято.

В час отдыха.

Многообразна жизнь суворовского училища. И с каждым днем она становится все интереснее.

Недавно построен новый учебный корпус — гордость училища. Кабинеты в нем прекрасно оборудованы и оснащены наглядными пособиями. На опытной участке училища по всем правилам агробиологической науки суворовцы выращивают сельскохозяйственные культуры. В училище есть свои мастерские — столярная, слесарная, переплетная; работают фотокружок, мотоциклисты, радиокружок.

Разнообразные и глубокие знания получают суворовцы в училище. Из его стен они выйдут разносторонне развитыми, физически крепкими. Советская Армия получит достойное пополнение.

Ю. ПОЛЯКОВ

— Прошу комсомольскую организацию принять меня в члены ленинского комсомола...—говорит Лев Карбачинский.

Фото А. Мондцова.

Калининское суворовское училище. «Наши Курьяныны» — так называют в училище Анатолия Чуйно, Михаила Романова и Леонида Безнаса.

Фото А. Монтецова.

Студент Московской государственной консерватории дирижер Академического Большого театра юнсомалец Геннадий Рождественский.

Фото В. Тюгелея.

БОЛЬШАЯ ДРУЖБА

В ноябре 1861 года на музыкальный вечер М. А. Балазрену это и привел высокохудожественно юному в форто-форте. Это был Николай Андреевич Римский-Корсаков. Здесь, на вечере, он познакомился с Модестом Петровичем Мусоргским. Оба они тогда были еще только начинающими композиторами.

В их творческом росте большую роль сыграл Балазрен. Он был для них «советчик, и цензор, и редактор, и учитель». Много лет спустя Римский-Корсаков вспоминал: «Я благодарю Балазрена каждую субботу и ждал этого вечера, как праздника».

На этих собраниях, выдвинувших несколько позднее в знаменитое содружество передовых русских музыкантов, названное В. Стасовым «могучей кучкой», впервые прозвучали отрывки из музыки к «Царю Эдипу» Мусоргского и фрагменты из Первой симфонии Римского-Корсакова.

В 1862 году Римский-Корсаков отбыл в Крестовое плавание на клипере «Алмаз». Когда он вернулся в Петербург, вся «могучая кучка» была в сборе: к тому времени в этот кружок вошли Александр Порфирьевич Бородин.

В 60-х годах молодые композиторы создали свои первые произведения: Мусоргский — отрывки из оперы «Салабо», первый акт оперы «Женитьба», симфоническую фантазию «Ночь на Лысой горе», хоры и сатирические романсы; Римский-Корсаков — Первую симфонию, симфоническую картину «Садко», Вторую симфонию и романсы.

Композиторы часто встречались или переписывались, советовались. Именно Мусоргский предложил Римскому-Корсакову написать симфоническую пьесу на сюжет былина о Садко.

Дружба Римского-Корсакова и Мусоргского — редкий пример творческого содружества композиторов, совместного роста и формирования двух выдающихся талантов. Прислушиваясь к музыке товарища, каждый находил в другом то, чего самому не хватало.

Римский-Корсаков — лирик по натуре, он тяготел к музыкальной живописи, картинности. Творчество его можно отнести к тому направлению в русской музыке, которое было начато

Глиной в опере «Руслан и Людмила» и которое принято называть эпическим.

Мусоргский — природный драматург, художник-психолог, искавший в музыке прежде всего яркую, образную характеристику отдельного персонажа или группы людей.

Первая опера Римского-Корсакова, «Псковитинка», была начата под прямым воздействием Мусоргского, который к тому времени (он был 60-х годов) завершил «Бориса Годунова».

На несомненную близость этих опер указывают не раз. Обе они написаны в жанре исторической драмы. Сюжеты также трактуются их сюжетов. Массовые народные сцены «Псковитинки» переключаются на народные сцены «Бориса Годунова».

В период работы над этими операми композиторы жили в одной квартире.

«Наше житье с Модестом», писал Римский-Корсаков, «было, я полагаю, единственным примером совместного житья двух композиторов. Как мы могли друг другу не мешать? А вот как. С утра часов до 12 утром пользовался Мусоргский, а я или переписывал или оркестровал то-либо, вполне уже обдуманное. К 12 часам он уходил на службу в министерство, а я пользовался роялем... В эту осень и зиму (зима 1871—1872 годов. — А. М.) мы оба много поработали, обмениваясь своими мыслями и намерениями. Мусоргский сочинял и оркестровал польский акт «Бориса Годунова» и народную картину «Тад Кромвиль». Я оркестровал и закончил «Псковитинку».

Знаменательно, что при этом своеобразии дарований Мусоргского и Римского-Корсакова в их творчестве обнаруживается немало родственных черт. «Корсаковские» мы слышим в отдельных лирических романах Мусоргского, в эпизодах из его опер: сцена у фонтана («Борис Годунов»), танцы пресидок («Хованщина»), дуэля Параса («Сорочинская ярмарка»). Влияние Мусоргского проявляется в драматургическом построении некоторых оперных сцен Римского-Корсакова, а яркой образности отдельных музыкальных характеристик.

Все это, конечно, не умаляет глубокой индивидуальности каждого композитора, а лишь

подчеркивает благотворность их творческого содружества.

28 марта 1881 года скончался Мусоргский. Он оставил много неоконченных произведений, в том числе оперы «Хованщина» и «Сорочинская ярмарка». Римский-Корсаков счел своим долгом оставить все свои дела и привести в порядок творческое наследие Мусоргского. «В течение следующих за тем полутора или двух лет тынулась моя работа над сочинениями покойного друга», — писал композитор.

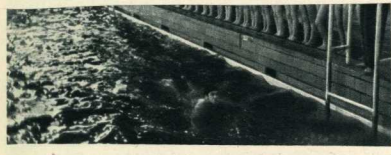
Не случайно, когда в 1896 году после долгого перерыва был исполнен «Борис Годунов» (в новой редакции Римского-Корсакова) и опера начала свое триумфальное шествие по театрам всего мира, В. Стасов, обнимая композитора после спектакля, взволнованно воскликнул: «Да ведь это настоящий подвиг!»

Римский-Корсаков не только продолжил большую работу над творческим наследием Мусоргского. Он продолжил и развил его сатирические традиции, перенес их из камерного вокального жанра в оперу. Так, им были созданы оперы «Сказка о царе Салтане», «Кашей бессмертной» и «Золотой петушок» — острый памфлет, бичующий царский строй.

Примером такой же искренней, бескорыстной дружбы, какая связывала Мусоргского и Римского-Корсакова, немало в русском искусстве. Глинка давал темпы для произведений Даргомыжскому и Балазрену, а они, в свою очередь, словом и делом помогали молодым композиторам. А как щедры на помощь, на дружеский совет был Стасов! Поистине, чуть не половина классических произведений русской музыки была буквально выношена или подсказана им.

В истории русского искусства имена Мусоргского и Римского-Корсакова стоят на почетных местах. Эти люди, составляющие гордость и славу отечественной музыки, жили и работали рядом, и залогом их творческих успехов была большая, горячая дружба, щедрая на прямую, справедливую критику и на похвалу.

А. МЕДВЕДЕВ

Начинающие пловцы внимательно следят за Валерием Новиковым.

НА ВОДНОЙ ДОРОЖКЕ

Пористые, светлые залы выложены кафелем. В бассейне плещется вода — такая прозрачная, что видно дно. В ней отражаются люстры, заливающие помещение ровным ярким светом.

Вдоль стенки бассейна выстраиваются мальчики и девочки. Это новички, школьники, пришедшие на урок плавания детской спортивной школы «Юный дельфин». Они внимательно следят за Вале-

рием Новиковым, демонстрирующим способ плавания «брас». Валерий Новиков уже третий год занимается в школе плавания. Прошедшей зимой он выиграл первенство Москвы среди юношей младшего возраста на дистанцию 100 метров. Сейчас он плывет еще быстрее: его время — 1 минута 26,4 секунды.

Ребята знают: пловец должен быть физически всеоружен и развит. Поэтому в зимние месяцы они

зается в воду. Он плывет уверенно, в хорошем темпе: проходит дистанцию за 1 минуту 27 секунд. Не так уж плохо — это норма III разряда, а Дима плывет всего лишь несколько месяцев. Такие успехи не у одного Димы. Вот на старте ученица 857-й школы Нина Загрянова. Ее недавно исполнилось 13 лет, а она уже имеет II разряд.

стала рекордсменкой Советского Союза. Многие получили звание мастера спорта.

—Кончилась зима. Скоро пловцы перейдут в летние бассейны на Москве-реке, в Химках. И плохой плавательный сезон будет прерван прудом туда вполне «грамотными» пловцами.

В. БРОВОИЧ,
мастер спорта СССР.

Фото автора.

Леонид Полианский отлично плывет «бабочкой».

ЧЕМПИОНЫ МИРА И ЕВРОПЫ

Сборная команда Советского Союза — чемпион мира и Европы по хоккею с шайбой.

Ни одна зима за всю историю отечественного спорта не принесла нашим спортсменам таких блестящих успехов, какие принесла минувшая. В честь побед советских лыжников и конькобежцев гордо взвизвал Государственный флаг СССР на стадионе японского города Саппоро, на знаменитом швейцарском катке Давоса, в шведских городах Фалун и Эстерсунд. Но самым большим успехом советского спорта в минувшем зимнем сезоне явилось выступление наших

с шайбой. Не случайно после первых же выступлений нашей команды на первенство мира в Стокгольме шведская газета «Свенска дагбладет» писала: «Наше первое знакомство с русскими хоккеистами ставит нас перед вопросом, как они могли за такую короткую срок получить такую хорошую школу. Ведь они играют в хоккей всего семь лет».

Семь лет — небольшой срок, но за эти годы наши хоккеисты достигли высокого мастерства, зарекомендовали себя достойны-

играют заокеанские хоккеисты, на родине которых возник хоккей с шайбой.

Когда команды вышли на поле, по радио даже объявили о продаже билетов на матч СССР — Швеция, который должен определить, кто будет чемпионом Европы. В случае проигрыша команде СССР пришлось бы еще раз играть со шведами. Но все сложилось иначе.

Игра началась такими стремительными атаками советской команды, что даже опытные канадцы растерялись. Не прошло и пяти минут, как в их ворота влетела первая шайба. Канадцы были не в силах сдержать наши

Вот как описывала встречу советских и канадских хоккеистов шведская газета «Моргебюстена»: «Переполенный стадион зиял смятением того, что новичок в области хоккея с шайбой — СССР обращался с хоккеистами Канады, как со школьниками. Никогда еще никто не играл так замечательно в хоккей с шайбой, как команда СССР против Канады. Советский Союз показал превосходную коллективную игру и оказался быстрее своих противников».

Другая газета писала: «Канадские короли хоккея свергнуты с трона». Советские хоккеисты, впервые

ПОБЕДЫ РУССКИХ ХОККЕИСТОВ

В начале марта 1898 года в Петербурге на Северном катке, который в то время находился на Каменноостровском проспекте, состоялся первый в России матч хоккеистов. Как писали тогда газеты, на льду встретились две безыменные команды: «черных» и «белых» — каждая по семь человек. Но уже через десять лет игроки коллективов «черных» и «белых» заставили спортивный мир заговорить о себе...

...В январе 1907 года члены «Петербургского общества любителей бега на коньках» проводили в заграничную поездку своих хоккеистов. Русские «мастера «ляшски» держали путь в Германию, Норвегию и Швецию, где должны были померяться силами с лучшими командами Европы.

Первыми, с кем пришлось встретиться петербуржцам, были хоккеисты Лейпцигского спортивного клуба. Каток клуба находился в парке, на маленьком пруду. Лед был первый, с островками земли и замерзшими по всему полю листьями. Такое поле мало тревожило лейпцигских спортсменов: у них были коньки с широкими полозьями и острыми носками. Петербуржцы же имели коньки с закругленными носками, невыгодные для оттапливания.

Первая неудача не обескуражила русских. Они предложили провести повторную встречу, но лейпцигские хоккеисты благодушно отказались. Назавтра петербуржцы уже выступали в Берлине, на катке Ботанического сада.

Встреча русских спортсменов с игроками клуба «Префесс» надомо осталась в памяти берлинцев. Игра, по рассказам очевидцев, находила на тренировку «со вбиванием голов в один ворота». Атаки русских следовали одна за другой, защитники немецкой команды в замешательстве металась по ледяному полю, не в силах остановить стремительный натиск русских. Врагари самоотверженно бросался навстречу нападающим, закрывал своим телом ворота, но мяч неизменно оказывался за его спиной, в сетке. След рос с невероятной быстротой: 10:0, 15:0. Вот атлетет всезнающий год, двенадцатый, двадцатый... Русские снова ринулись в атаку. Но тут последовал сапостик судьи: истекло время матча.

Через несколько дней петербуржцы выступили против игроков «Берлинского хоккей-клуба». И на этот раз преимущество петербуржцев было явным. Хотя игра шла в менее быстром темпе, чем игра с «Префесс», русские опять победили, со счетом 13:0.

Не менее успешно провели русские спортсмены первый матч в столице Норвегии Осло. Сначала нападали норвежцы, хоккеисты «Скитинг-клуба», но защита петербуржцев быстро отнесила нападающих противника. С этого момента на поле безраздельно господствовали игроки в синих; с белым рубашках (форма русских). Они превосходили своих соперников в скорости бега, в умении вести мяч. К тому же они очень точно били по воротам. Отлично игравший вратарь норвежцев казался бесполезным мучем, однако игра закончилась с внушительным счетом — 12:0 в пользу русских.

Поднять престиж норвежского хоккея почитался команда «Офшерского клуба». Офици-

Команда хоккеистов «Петербургского общества любителей бега на коньках».

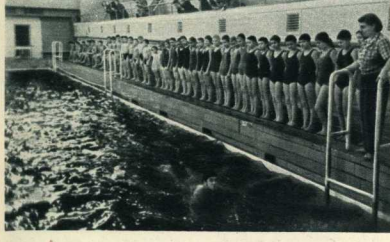
ры играли «напористо». Сбив с ног русского защитника, они в суматохе забыли один гол. До конца игры им удалось провести в ворота голы еще один раз. Однако петербуржцы ответили им десятью голами.

Наиболее трудными для русских хоккеистов оказались встречи в Швеции. Правила шведского хоккея во многом отличались от принятых в России. Судья не наказывал за грубые толчки и броски руками, кивком разрешалось поднимать выше шлепа.

Из трех проведенных составили петербуржцы выиграла два: у «Оффшерского клуба» со счетом 7:3 и у клуба «Камратерна» — 4:2. Чемпиону Швеции — Упсальской команде — удалось добиться ничейного результата. Это был напряженный поединок. К концу игры шведские спортсмены еще держались на ногах.

В Петербург русские хоккеисты привезли множество призов, а главное — славу одной из сильнейших команд мира.

Б. ИСАЕВ

Начинающие пловцы внимательно следят за Валерием Новиковым.

НА ВОДНОЙ ДОРОЖКЕ

Просторные, светлые залы амплотных кафедр. В бассейне плещется вода — такая прозрачная, что видно дно. В ней отражаются люстры, заливающие помещение ровным ярким светом.

Волье стенки бассейна выстраиваются мальчики и девочки. Это новички, школьники, пришедшие на урок плавания детской спортивной школы «Юный динамовец». Они внимательно следят за Вале-

рием Новиковым, демонстрирующим способ плавания «брас». Валерий Новиков уже третий год занимается в школе плавания. Прошедшей зимой он выиграл первенство Москвы среди юношей младшего возраста на дистанции 100 метров. Сейчас он плавает еще быстрее: его время — 1 минута 26,4 секунды.

Ребята знают: плывец должен быть физически всесторонне развит. Поэтому в зимние месяцы они

не только плавали, но бегали кроссы, ходили на лыжах. Это укрепило мышцы, улучшило работу сердца и легких.

...Тренер, заслуженный мастер спорта Лидия Ефимовна Соболева, подает команду:
— Дима Спаторов, приготовься! На старт! Марш!

Сильный толчок, и Дима врывается в воду. Он плывет уверенно, в хорошем темпе: проходит дистанцию за 1 минуту 27 секунд. Не так уж плохо — это норма III разряда, а Дима плавает всего лишь несколько месяцев. Такие успехи не у одного Димы. Вот на старте ученица 587-й школы Нина Зятрягина. Ей недавно исполнилось 15 лет, а она уже имеет II разряд.

Занятия секции плавания посещают 220 мальчиков и девочек, половина из них — новички. Они недавно впервые пришли в бассейн, но уже радуют тренеров первыми успехами.

Детская спортивная школа «Юный динамовец» воспитала немало способных пловцов. Воспитанница школы Вера Шубникова стала рекордсменкой Советского Союза. Многие получили звание мастера спорта.

...Кончилась зима. Скоро пловцы перейдут в летние бассейны на Москве-реке, в Химках. И плохо плавающие прошлым летом ребята придут туда вполне «грамотными» пловцами.

В. БРОВОК,
мастер спорта СССР.

Фото автора.

Леонид Полианский отлично плавает «бабочкой».

ПЕДАГОГ ДРАМАТУРГА РЕЖИССЕР

Все, кому довелось читать произведения А. С. Макаренко, знают, как горюло любил театр этот замечательный педагог нашего времени, какое большое воспитательное значение придавал он искусству воодуше.

С первых же дней существования детской колонии имени Горького, где работал Макаренко, в ней был создан самодельный драматический театр. Драматургом режиссером, артистом и даже суфлером в этом театре был сам Антон Семенович Макаренко.

«Театральная деятельность во многом колонии развивалась очень быстро и на протяжении трех лет, иногда ни на минуту не прекращаясь. Временами не хватало в таких грандиозных размерах, что я сам сейчас с трудом верю тому, что пишу» — рассказывал А. С. Макаренко в «Педагогической поэме». За эти годы сценарии мы ставили около сотни пьес, и в то же время мы никогда не говорили за какие-либо клубные обязанности и ставили только самые серьезные большие пьесы в читальном зале, повторяя обычно репертуар столичных театров...»

Театром в горьковской колонии были увлечены все, и в первую голову сам Макаренко. «Теперь мне немного стыдно в этом признать» — вспоминал поэте Макаренко: «Но почти все свободное время мы приносим в жертву театру».

Макаренко смотрел на самодельный драматический театр как на одно из могучих, действенных средств коммунистического воспитания. В 20-х годах после двух войн — империалистической и гражданской — в нашей стране осталось много бездомных, бесприютных детей-сирот. Молодая советская республика с первых же дней своего существования окружала детей-сирот материнской заботой и лаской. В этом благодушии принимал самое горячее участие смеялый и неутраченный, находчивый и волевым педагог-интуист А. Макаренко. Одним из средств воспитания детей-сирот в то время был и Антон Семенович Макаренко — человек, который парадоксально, но интуитивно, талантливо решил в своей педагогической деятельности и в театре ряд чрезвычайно важных проблемы коммунистического воспитания подрастающего поколения. Он мастерски владел многообразными и богатыми педагогическими средствами. Самодельный театр, именно театр, а не драматический кружок, был одним из этих средств.

«Я придавал большое значение театру» — писал А. С. Макаренко, — так благодаря ему искусство улучшался язык колонистов и вообще сильно расширился горьковцам».

В воспоминаниях Н. Э. Фере — помощница А. С. Макаренко по горьковской колонии — сказано о той «педагогической неволе», которую испытывал Макаренко в создании театра:

«На третий день после начала работы о театре в колонии не упоминали. Такое уж был Антон Семенович: если у него появлялась плодотворная идея, в стремлении сразу претворить ее в жизнь. Обязанность режиссера — часть и главная роль в ставящейся пьесе исполнял он сам. Антон Семенович не имел несомненно актерских способностей. Роль горьковца в «Развешен» была им сыграна блестяще».

В колонии часто бывали артисты театров Харькова и Полтавы, с которыми дружили Макаренко и его воспитанники. В парке в коммунистической колонии имени Дзержинского А. С. Макаренко создавал и здесь самодельный драматический театр. Накануне этому времени большой режиссерский опыт, он с увлечением продолжал ставить спектакли и играть в них. Не случайно у него так рано появились первые дружба с народным артистом СССР А. Г. Крамовым, который с восторгом смотрел на спектакли коммунистической колонии и охотно помогал юным актерам советами.

Народная артистка Украинской ССР А. П. Воронович рассказывает об этой дружбе:

«Вместе с Александром Григорьевичем Крамовым мы часто бывали в гостях у колонистов, и каждый раз Антон Семенович «угощал» нас новой театральной постановкой. Мы много и долго беседовали с Макаренко о театре, об искусстве, о законах природы в подлинный восторг от их спонтанности и считал, что среди исполнителей есть немало дарованных. После смерти А. С. Макаренко Крамов продолжал переписку и встречи со многими воспитанниками Горьковской колонии и коммунистической колонии имени Дзержинского, находившимися и работавшими в Москве, на Украине, Урале, Дальнем Востоке, в Сибири. В 1949 году, в отсутствие горьковчану со дня смерти А. С. Макаренко, Крамов задумал устроить встречу хотя бы тех воспитанников, которые живут в Харькове. В этот день его волновали вопросы: «Что придет? Кто придет? Чем стали эти люди за последние годы?»

«Вот один из других в театр, где была назначена встреча, приходит народный судья Василий Шалопинов, инженер-энергетик Василий Коловницев, воспитатель детского дома Андрей Мельничин... Пришла героиня повести «Плаги на выдуманный» Людмила Завидская, повесть Зырянской», ставший мастером на заводе. Прибыли бывшие моряк Евгений Либ, машинист завода Михаил Долинный, плавник Галина Слуцкая, мастер завода Федор Шатаев и другие».

А. С. Макаренко создал ряд пьес и напечатал их. В них были пьесы «Мамор», «Нютоновым колдун», «Забота о человеке», киносценарии «Настоящий характер», «Колонисты». По поводу пьесы «Настоящий характер» Горький писал А. С. Макаренко: «...на мой взгляд «Нютоновым колдун» пьеса весьма интересна, хотя я могу передать ее в театр Корши или же Вахтангова».

Одна из воспитанников Макаренко немало людей, посвятивших свою жизнь театру. Интересная судьба Клавдии Борисовны: Портрет ее Макаренко написал в 1927 году, а в 1930-е годы она была «в авангарде» танкиновскими: «Я делюсь бригадиром Клавии Кашириной очень хорошему человеку, немного полное лицо, теменьорские нуды из-под тобятки и жемане, хитро и небольшие серые глаза.» Из коммунистической колонии имени Дзержинского эта девушка пришла в студию Харьковского русского драматического театра имени Пушкина, которым руководил Крамов. В театре она работает уже семнадцать с половиной лет, а в 1950-е годы Каширова в «Детях Ванюшина». Маленькая в одноименной пьесе Ариадны, «Непокоренный полтавчанин».

«Педагогический поэма», — говорит Клавдия Борисовна, — Антон Семенович писал, что из воспитанников колонии не вышло писателей и художников — потому что, любящий писать и рисовать, не удовлетворяет практическим требованиям. Этого, пожалуй, нельзя сказать о Кашировой. Макаренко на всю жизнь привил горячую любовь к театру, и в нем, как и в жизни, — это, пожалуй, Клавдия Борисовна, Александра Сыромятникова, его старшие друзья Евгений Семенов, музыкант Иван Волочено, театральный художник Николай Кавыркин и другие. Антон Семенович не мог сплотно и равномерно говорить о театре. Он говорил о театре, да и на всю жизнь загорался, как увлеченно говорил о театре, о театре, о театре — «Дик-Дик» и «Тартоф» в постановке самодельного театра драмы имени Дзержинского — «Самодельное окружение».

«Макаренко самодельно характеризует отношение Макаренко к искусству, к театру, к культуре, выделяя теоретик коммунистической колонии — талантливый артист» Макаренко самодельно любил и горячо знал театр, музыку, литературу, и живопись».

А. КАШТАНЬЕР

ПОБЕДОНОСИКОМ: «Не бывает у нас таких, неатурально, неизменно, непохоже! Это надо передать, смилчтить, опозитировать, округлить!»

ПРОЗНОЕ ОРУЖИЕ

Не 쉽게 неожиданно всплывает полотно иконографа. Перед аэролонированным зрителем проносится события последних десятилетий. Это созданная изобретательным Чудковским «машина времени» устремляется в будущее.

Вот с конвейера завода складывают ответственные театры. Открываются шлозы Беломорско-Балтийского канала. Мчатся поезда метрополитана. Рассветают годы салюта Победы. Мелькают даты, проносятся годы. Раздается взрыв — и «машина времени» улетает дальше, выбрасывая оптимизм, виденный портрет Масковского, яростного, негодующего, беспощадного. Победоносиков. Пустеет сцена. Победоносиков оставляет один, огуленный, раздвоенный, «перехваченный» временем. Слово очнувшись, он спрашивает: «...что вы этим хотели сказать, — что я и вроде не нужны для коммунизма!» А из синеватого сумрака во всю высоту и ширину сцены встает огромный виденный портрет Масковского, яростного, негодующего, беспощадного. Победоносиков, суровый и незранный, корчится под гневным и прерывающимся взглядом поэта... Так заканчивается спектакль

«Бяна», поставленный Москоским театром сатры.

Пьеса «Бяна» написана В. Масковским в 1929 году. Она как бы подводит итог сатирическим произведениям великого поэта. «Политическая идея» — говорил сам Масковский о пьесе, — борьба с узкостями, с дельством, с бюрократизмом, за героизм, за темп, за социалистические перспективы».

Стремительно развевается действие спектакля. Его успех на сцене Театра сатиры во многом объясняется тем, что режиссером и актерам удалось создать яркие образы положительных героев — молодых рабочих.

Волевым и страстным, постоянно загоравшимся аэролонированным и горячо увлеченным своим изобретением предстает перед нами Чудков в исполнении Д. Дубова. С первой же кртинки побуждает зрителей и молодой артист Б. Рунге, играющий «легкого» мажориста Велосипедиста. Многие из сидящих в зале, возможно, уже и не помнят, что такое «легкая квалификация». Но во повелительная Велосипедиста в красном свете

ре, в копке, лихо заломленной на затылок, и мы понимаем, что это комсомолец с боевым задором, человек крепкого характера и ясной мысли, готовый «жрать чиновников и выплевывать пуговицы», проталившая важное изобретение.

Таковы и его друзья: Фоскин (В. Бомбенков), Двойник (Л. Берлин) и Тройник (А. Котовицкий). Борой благодарно мастерству актера — маленькая, незаметная на первый взгляд роль вдруг освещается новым светом. Молодой актрисе Г. Кожанкиной удалось создать запоминающийся, запоминающийся образ — маленькая Ундертон. Мы и не представляли себе, что она может быть так трогательно мила, так естественна и обязательна в своей простоте. Ундертон подкупает нас не только искренностью, но и большой жаждой увидеть «хоть краешком» будущее.

Важная роль в спектакле принадлежит посланнице будущего — Фосфорической женщине. Фосфорическая женщина является в самый напряженный момент действия. Она должна отобрать лучших людей для переборки их в 2030 год. Перед молодой актрисой Ниной Ариповой встала трудная задача: как решить это дело? Каким должен быть человек будущего?

Привычное представление о женщине-коммунистке «в кожаной куртке», о женщине — ораторе и бойце, которую мы нередко встречали в наших пьесах, мешало сразу понять все особенности этого образа. И лишь глубоко вдумавшись в содержание пьесы, автору поняло, что ее героиня — это прежде всего женщина, счастливая, умная, духовно чистая, мягкая и человеческая. Такой ее и играет Арипова.

— Товарищи! — обращается Фосфорическая женщина к зрительному залу... «Будущее имеет успех, у кого найдется хотя бы одна черта, рождающая с коллективом коммуны...» — сарказм, работа — «неумолимость изобретателя...» гордость человечности. Удесстерий и продолжим пятнадцать шагов!..

Верная, глубоко реалистическая трактовка этого образа помогает театру правильно истолковать

важнейшую тему спектакля — тему будущего.

Значительная роль в решении этой темы принадлежит «машине времени». В спектакле это не только фантастическое изобретение Чудакова, но и важное средство раскрытия идейного содержания пьесы. Мы наглядно ощущаем живую связь между нашим прошлым, нынешним днем и коммунистическим завтра. Кадром документальной хроники, органически вошедшие в спектакль, показывают героический путь, пройденный советским народом, подчеркивают величие наших дел, нашего мирного строительства. Поистине трудно найти более впечатляющее и вместе с тем более простое решение темы «Машины времени». Этому способствует и музыка В. Мурадьяна, создающая атмосферу всеобщей праздничности в спектакле.

«Будущее не придет само, если не придем мы», — писал Маяковский в стихотворении «Высококачайте будущее». Борьба за коммунистическое будущее — вот главная идейная линия спектакля. Театр не сглаживает остроты, трудностей борьбы с бюрократизмом. Показывая их отвратительную сущность, возбуждая у зрителей справедливое чувство гнева к ним, спектакль призывает беспощадно и решительно искоренять бюрократизм, зовет на борьбу с ним.

Продолжая традиции Гоголя и Щедрина, Маяковский разгрозным оружием сатиры все острее и острее и отмиравшее, все, что тормозило наше движение вперед.

Маяковский сумел в каждом персонаже «бани» подчеркнуть основное.

Основное в образе граванчупса Победоносикова — самодура, упивающийся своим величием, обывателя с длиннющим подчиненным стажем — это его бюрократическая сущность. Исполнитель роли Победоносикова народному артисту Таджикской ССР Г. Менглету, однако, не всегда удается передать это. У него порой не хватает той напыщенной самолюбивости, того пустого глубокомыслия, той парадности, которой отличается Победоносиков.

С таким величественным прене-

ФОСФОРИЧЕСКАЯ ЖЕНЩИНА: «Товарищи! Приходите во-время... ровно в двенадцать часов на станции 2030 год отбывает первый поезд времени».

ПОБЕДОНОСИКОВ: «Кто здесь заглавлен последний? Где мое купе? Где мое место, конечно, нынче...»

брежением к яростным смертным, с каким отвратительным самолюбием и лицемерием должен был бы произнести Победоносиков свою tiradu: «Я в колхоз не поеду. То есть поеду и поеду, когда все едут на дачу. Подумайте — колхоз!». Двадцать пять тысяч послани и быть взяты. Мое дело — общий инструктаж. Я независимый спец самого центрального масштаба».

Режиссура правильно поступила, включив этот отрывок из вариантов пьесы в окончательный текст спектакля, но актер, к сожалению, не сумел выйти в этой сцене необходимых красок.

Вот ничем не пробиваемый бюрократ Оптимистенко. «Он гладкий и помирившийся, как дачный шер. На его зеркальной чистоте только начальство отражается, и то вверх ногами». Заслуженный артист РСФСР В. Лепко, исполняющий роль Оптимистенко, нашел множество незначительных на первый взгляд, но в то же время очень выразительных деталей, ярко рисующих этот образ.

Преувеличение и заострение отдельных черт в характерах отрицательных персонажей еще больше помогает раскрыть сущность образа. Выныне привлекателен и Мистер Понт Ким (заслуженный артист РСФСР Д. Карл-Дмитриев), коллекционер марок, который «очень, очень интересуется химическими заводами, авиацией и вообще искусством»; и Мадья Мазальякова, поклонница всего иностранного (заслу-

женная артистка РСФСР Н. Споснова); и едва ли не самый омерзительный тип, приспосабливец, сотрудник («делолюбивый и порвально-полноценный»), революционник только как-то аляло — репортер Моментальников (Ф. Димент).

«Сделать агитацию, пропаганду, тенденцию — живой», — в этом трудность и смысл сегодняшнего театра», — говорил В. Маяковский. Творческому коллективу театра удалось успешно выполнить эту задачу.

С неиссякающим энтузиазмом следят зрители за живым, острым спектаклем. Большая заслуга в этом принадлежит постановщикам — народному артисту РСФСР Н. Петрову, В. Паученку, заслуженному деятелю искусства РСФСР С. Ютевичу. С. Ютевич выступил в спектакле не только как один из режиссеров, но и как автор художественного оформления, которое очень близко работам Маяковского-художника и соответствует самому духу его драматургии.

Спектакль «Бани» в Московском театре сатиры — большая победа советского искусства. Когда на сцене появляется портрет Маяковского, буря оваций прокатывается по залу, и кажется, вновь и вновь звучат привычные слова «Марша времени: Шегая, страна, быстрой, моя... Коммуна у ворот! Вперед, время! Время, вперед!»

О. КУДЕНКО

ОПТИМИСТЕНКО: «Взрывает? Ну, это вы оставьте! Не угрожайте государ- ственному учреждению. Нам нервничать и волноваться неудобно, а когда будет взрыв, тогда и записки на вас куда следует».

НЕПРОШЕННЫЕ ГОСТИ

Недавно я слушал по радио трансляцию митинга скаутов. Мишенью для нападения на этом митинге служило поведение американцев в Англии. Об этом, на первый взгляд, незначительном факте я упоминала только потому, что он чрезвычайно характерен для жизни современной Англии.

Движение скаутов в общем реактивное. Их лозунг «высокой политики» на самом деле означает полное согласие с курсом правящих кругов. Всего несколько ме-

щей. Вот один солдат жует резинку, другой — беспрестанно пьет кока-кола и курит сигару. Потом объектив скользит по лицу типичного английского зрителя, вид которого свидетельствует о том, что все это ему страшно надоело.

Смех стал оружием против непрошенных американских гостей. Но в некоторых частях страны, где присутствие американцев ощущается назойливее, чем в Лондоне, возникают более гневные чувства.

«Благодетствие ребенка XX столетия». Карикатура на газете «Дейли уорнер».

щей назад лидеры скаутов исключили из своей организации коммуниста, ибо, по их мнению, членство в коммунистической партии несовместимо с движением скаутов. А теперь радио довело до меня шумные аплодисменты скаутам, одобряющим едкие шутки и насмешки, направленные против американцев...

Возмущение повелевает американцев звучит сейчас в любом месте Англии, а ведь еще год или два назад это чувство разделялось меньшинством.

Интересно побывать в маленьком театре, расположенном в северной части Лондона, районе, населенном преимущественно железнодорожными рабочими. Здесь показывается злободневный вариант традиционной пantomимы «Золушка». В этой постановке Золушка — дочь обнищавшего англичанина Джона Була, над которым властвует американка-жена и две ее безобразные дочери, делающие все, чтобы помешать Золушке добиться счастливой жизни.

Другой пример. Недавно лондонское телевидение передавало хроникальный фильм о футбольном матче с американцами. В течение всей этой передачи острозвучный оператор воспеивал английских зрителей тем, что показывал не только самую иту, но и лица сидевшей на трибунах американской солдатки, тугой, истерически ору-

..АХ, МОЙ ДРУГ, НО У НЕГО ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРАВА!

«Заботливый родитель». Карикатура на газете «Дейли уорнер».

ща задания, в котором жил когда-то поэт Альфред Теннисон. Дом этот является национальным памятником Англии.

В марте 1952 года ливерпульского рабочего Ф. П. Барри и его жену сбивла машина, за рулем которой сидел американский военнослужащий. Жена была убита, муж получил столь серьезное ранение, что потерял способность работать. Американская администрация отказалась принять на себя ответственность за этот случай. При существующих в настоящее время порядках в Англии пострадавший не имеет права выступить с обвинением против американского военнослужащего.

Людям Англии подвергается унижению со стороны иностранцев на своей собственной земле. Американцы никогда не упускают возможности показать свое «спрещодство». Но еще более бестактно обращение с англичанами, посещающими Соединенные Штаты. Га-

зета «Дейли телеграф» недавно опубликовала на видном месте статью своего Нью-Йоркского корреспондента, который писал:

«В результате недальновидного, неидеального и часто неуманного официального поведения Соединенные Штаты нередко своим, возможно, дружески настроенных гостей превращают в сбывших с толку и враждебных критиков... Канадским делам не разрешить влезть в Соединенные Штаты только по той причине, что эти люди во время войны способствовали организации помощи России. Многие встречи ученых происходят теперь в любом другом месте земного шара, но не в Соединенных Штатах из-за создаваемых здесь трудностей».

Никто не может отрицать того факта, что в образе мыслей этого народа происходят глубокие политические изменения.

— Много, очень много людей стало понимать, что патрио-

Двухкильная стартовая дорожка для американских атомных бомбардировщиков «В-36», построенная американскими инженерами в окрестностях Бершира. Снимок из английского журнала «Пилчер пост».

тизм — это нечто большее, чем гордость своими колониальными владениями, — сказала мне молодой английской робой.

Из гробовая саркофага, он сообразил о том, что среди британского народа и в первую очередь среди молодежи, возникает примечательное культурное движение. Оно наиболее особенно выразилось в музыке. В течение последних лет, почти незаметно для остального мира, английский народ вернулся от формалистического музике к своим родным истокам. В данном случае это были песни, говорившие о стремлении к миру, к лучшей жизни.

Знаменатели для настроений сегоднешней Англии и тот факт, что из группы советских артистов, посетивших Англию в мае месяцына англо-советской дружбы, самым популярным среди английских зрителей было трио молодых исполнителей народных танцев. Истинно народный характер их танца получил всеобщее признание.

— Все больше людей приходит к выводу, что быть на бирюже у США не в интересах Британии, — провозглашал мой молодой собеседник.

Сегодня английская буржуазная пресса набегает даже намека на истинные настроения основной массы народа. Она, конечно, не может игнорировать существования движения сторонников мира и дружбы между народами, но пытается умалчить о той поддержке, которую это движение находит в массах английских трудящихся.

Примеуду небольшой, но убедительный пример.

Одна молодая женщина, мой друг, была грубо оскорблена пивом из американского пивоваренного завода. Это случилось только тогда, что она не могла промолчать, когда американец разразился потоком отвратительной браши при просмотре халасушки в пивной негрор.

Женщина написала жалобу железнодорожной компании. Вскоре после этого ее попросили прийти к управлению в американскими войсками — дело целительное. Затем, оставив свой официальный тон, управляющий спросил, не возражает ли она против встречи с депутатом железнодорожной компании, который согласился, и в комнату вошла группа людей, которые окружили ее, наперобой жали руку, выражали свое сочувствие.

Мы хотели бы выразить восхищение вашей смелостью — сказал управляющий, — и что бы ни было сделано по вашей жалобе официально, у вас не должно быть сомнений относительно того, как мы возмездием ответим на ваше обращение.

Все эти факты еще и еще раз говорят о том, что близок к Америке, сначала воспринятое как вторичная необходимость, теперь вызывает все нарастающее раздражение в Англии. Повсеместное снижение жизни, появление безработицы, постоянная нервность все это вынуждает союзники Англии с Америке. И не удивительно, что среди народа крепнут надежды на восстановление дружеских, деловых, культурных и политических отношений с СССР.

Перевод с английского.

«Первая борозда» — три наиваивные Бориса Тихонова Николая Трилипа.

Впервые читатель познакомился со стихами Н. Трилипа в 1948 году. Стихи подкупали теплотой, своеобразностью. Но тогда еще поэта критиковали за архаичную базу современной деревни, за вычурность, надувательство, искусственность образов.

В лучших стихах именован «Первая борозда» Н. Трилипу удалось по-новому своеобразно показать пафос труда строителей новой жизни, рассказать о том, как меняется облик промышленной деревни. Верно переданы им, например, переживания солдата, вернувшегося в родное село, где «чуждая земля конюшня для земледельцев снится».

— Солдат спит, берется за плуг.

И Трилипу старается найти яркие приметы времени, увидеть и показать новое.

Жизнь села стала богаче, многообразие, содержательность, интерес колхозников растет.

Сидит сеяное боролово, беседуют со жуками: А как борозба со старостью Радается наукам?

Поэт хорошо чувствует красоту русской природы. Он ищет точные и простые выразительные средства, умеет представить картину, любоваться деревней, когда выслушай первый снег — и мы ищем «сломанные провод», который не молчит, стелет жгуты по дорожке «белый шум» зашла и «белый-белый город». Автор обладает острым поэтическим зрением, умеет отыскать заманчивые детали, найти нужное, верное слово.

Тонким лиризмом пронизаны стихи, обращенные к любимой, и сымы («Ганне и Ганне не пишмаю...», «Тане слышались дла...»).

— Николай ТРИЛИПА «Первая борозда». Издательство ЦК ВКПСС. Москва, 1953. Редактор — С. Нарочетов.

ПЕРВАЯ БОРОЗДА

Там, где уют прост и беззащитно ствен, стих его приобретает чуждость, становится чуждым. Несмотря на то, что в него немало удачных стихов, афоризмов, все-таки испытывая чувство неудовлетворенности. Это происходит потому, что поэт, создавая отдельные, частные явления действительности, не создает ни единого целостного, единственного существа.

Некоторые его стихи, и создавая уют, носят слишком отвлеченный характер. От этого они во многом проигрывают.

В стихотворении «В эту ночь мой гармоника не смогла бы рассказать, что сообщает, что в родные села из Верховного Совета депутаты-лесорубы торжественно и поспешно, что деревне, торжась по назначению, тракторы на Сталинград вернулись прошлись». Это хорошо. Но что же дальше? А дальше ничего не полагается. Такой авторитарный тон факта, без осмысления и раскрытия существа его, мы встречаем и в других стихах. И Трилипу не хватает смелости решительно перейти от внешнего описания событий и явлений и проникновения в их сущность. Он зачастую ограничивается декларативными фразами, вроде «железная любовь», «молодость, как званья, разлетелась по ветру». Таким декларативом не трогают ни мысли, ни чувства читателя.

В некоторых стихах философствовать там, где в этом нет никакой необходимости. Например, стихотворение «Тру», заканчивается такими напыщенными строками:

...по новым путем тылетели Не поедешь на старом коне.

А этим строчкам предшествует разговор о «старом коню», «старом коню». Более чем странно звучат многие строчки стихов поэта, воспевающие красоту и силу труда. Так, например, слишком часто повторяется:

...иляветерной колесной. Уже невольно и невольно, над волнами вновь нависали грозовые тучи. Нельзя было различить ни одного ориентира, по которому можно было бы определить местоположение корабля. И в ночь виднелось еще больше худушки.

На «Паллада» зорно наблюдали за волнующимся морем. Вдруг вахтенный матрос заметил блеснувший в темноте огонек. Мысль об этом немедленно доложили командира.

Командир корабля быстро сделал расчеты, которые показали, что корабль находится на расстоянии от наметенной гряды. Не доверяясь своим глазам, он вел в свою каюту толпу, что сменявшихся с вахты лейтенанта Алферьева, вместе с ним еще два попутно определил местонахождение корабля в Редии, выходящей на Широкую воду.

Сигнал «Паллада» был замечен. Болднгузевен, находившийся на одном из кораблей, начал немедленный курс. Головное судно все же потеряло команду, но эскадра была спасена.

В. АЛЕКСЕЕВ

Из жизни слов

Пресса

Слово «пресса» происходит от французского слова «пресс» (превать) — означать, придавливать, выжимать, выжимать ствол. В следующем веке так называли печатный станок, а в XIX веке — пресс-машину, которая печатает ствол. Только в XIX веке слово приобрело значение употребляемого ствол. В последнее время периодически издаются газеты, журналы, в которых «пресса» вошла в русский язык.

У него на шапке были с плугом, мельничью дрозд, телки носы. Ленскийю поэта порой заслоня уставишими и обилием словыми — «сухопут», «нольбаш», «вольная», а подчас и просто жаргонными выражениями — «вадроты», «вадроты» и т. д. Некоторые стихи по-прежнему еще поражают стремлением автора и вычурностью. Совершенно нельзя понять, что хотел сказать поэт в строках:

И дыша домовито и мерно Геллтой венгритурой жерно Очичи, пышно расхрустывая Формы С ирмины первые напл под сруб.

К Николаю Трилипу, как человеку талантливому, надо предъявлять строгие требования. Он должен и может работать лучше, писать яснее, выразительнее, ярче.

Д. СМРНОВ

Фрегат «Паллада»

Фрегат «Паллада» известен по путевым очеркам великого русского писателя Ф. Тютчева, в которых тот подробно описал свое путешествие. Однако мало кто знает, что с этим судном состояла и другая выдающаяся русская личность.

Первым командиром фрегата был П. Нахимов, ставший впоследствии знаменитым флотоводцем, героем Синова и Севастополя, и в 1853 году он находился на борту судна и отстроился в 1853 году. В следующем году фрегат уже крейсерствовал в Балтийском море. Эскадрой, которой командовал известный русский исследователь, путешественник Антоний Демидов П. Беллинсгаузен. В августе того же года случилось печальное известие о трагической гибели флота.

Эскадра шла в открытое море. Фрегат «Паллада» замыслил строй

В 1895 году в Нью-Йоркской газете «Форд» появилась серия заметок о путешествии в Америку русских ученых. В заметках рассказывалось о жизни русских ученых в Америке, о их научных занятиях. Вскоре другая газета, «Нью-Йорк трибун», тоже начала публиковать аналогичные заметки. Между этими газетными заметками, основательными статьи на права первоисточника «явного мыслителя», Игурия, Игурия Уоткинс, и в том же году на своих страницах начал выводить журналистическая газета «Атлант» известия о путешествии русских ученых в Америку. С тех пор это выражение стало нарицательным для обозначения бульварных, продажных газет и журналов.

Возврат

В 1703 году французский театральный артист Жюльен Ле Гро устроил в одном из предместий Лондона театр с двумя для комедий, спектакли, артисты из США, ставший местом увеселений лондонской аристократии, получил по имени артиста название «Валхалла», в английском произношении «Валхалла», и в то же время слово являло это слово вышло появилось в форме «вонча», «вонча», «вонча» — и тоже стало называть место публичных увеселений. Даже и в наше время употребляется в газете «Санкт-Петербургские ведомости» за 1773 год: «Сего июля 7-го открылся на Каменином острове на 1807 галерею фокусаль».

В 1807 году в Лондоне была проложена первая в России железная дорога между Петербургом и Павловском, возмущение стало называть железнодорожную станцию. Объясняется это тем, что в помещении Павловского вокзала одновременно устроились и конюшни. Позднее слово утратило свое прежнее значение и стало употребляться только в современном понимании как здание большой железной дорожной или речной станции.

Прочный, красивый мех

Вот шкурка с черным густым мехом. Ее мягкой, вельветной поре трудно отличить от меха морского котика, хотя зверек, с которого снята эта шкурка, и близко не бывал у моря. Год тому вывел он, наконец, прыгал в волдырях каню-ко-нибудь подморского волкода или сохоях и мирно грыз кочан

капусты. Это был самый обыкновенный кролик.

Как же шкурка простого кролика превратилась в мех морского котика?

Много лет работают сотрудники Научно-исследовательского института меховой промышленности над тем, чтобы обычный мех по качеству ничем не уступал настоящему китову. Они стараются сделать его еще более красивым, прочным, или, как здесь говорят, более «осиным». В лаборатории извращения на столе лежат груды меха. Вот чернота. Вот се отливает благородным серебром, мех мягкий, легкий.

А вот как она выглядит в первоначальном виде—говорит заведующий лабораторией Н. Чацкий, достав из шкафа шкурку обычной рыжей лисицы.

Оказывается, мех рыжей лисицы был обработан специальными химическими препаратами. Сначала шкурку сделали белой, как снег, «отбелили»; затем окрасили в черный цвет грубой вольет, что и составляет основу меха, а после этих процедур лаборатория, используя густую пуховую массу, осторожно «посеребрили» длинные «свешалки» ворсинки, потому мех хорошо пропуская и пыталось расчесали. Так отсюда стала модной чернота.

Такие же сложные метаморфозы претерпевает в лаборатории шкурка сурина, кролика и даже простого зайца. Они становятся похожими на китов, выхухоль, норку.

Еще недавно массовый выпуск такой продукции был затруднен,

так как красить мех приходилось вручную. В этом году процесс окраски механизмуется. На Ивановском и Ростовском меховых комбинатах уже внедрены в производство специальные автоматизированные машины, созданные работниками института. При помощи машины можно быстро наносить стойкую, прочную краску на мех.

В институте не только «облагораживают» мех, но придают ему и большую прочность. Вывернув зверька, например, водная краска, имеет красную шкурку, но ее ложа очень непрочна. Работники института изобрели специальный клей, которым можно наклеить шкурку на крепкую ткань.

Найдя технических наук К. Мещеряков и старший научный сотрудник института В. Фридман решили использовать ультрафиолетовые лучи для промывания. Известно, что ультрафиолет, распространяясь в ультрафиолетовом излучении и энергичное движение микроскопической среды и интенсивно перемешивает ее в результате такого невидимого для глаза «взбалтывания» значительно ускоряется много химических процессов.

Снабдив высокопрочными ультрафиолетовыми источниками процесс обработки и окрашивания меха, сотрудники института значительно сократили процесс обработки, уменьшили и количество меха. После научных исследований в лаборатории решено создать «машинный комбайн на одной из меховых фабрик страны».

П. БАРАШЕВ

СМЕНА
В номере:

Игорь Кобзев—В дни комсомольского съезда.
Говорят делаются съезда.
И Шевченко—Настоящий.
И Лемберг—Новосел.
В. Турбин—Избранный на туре.

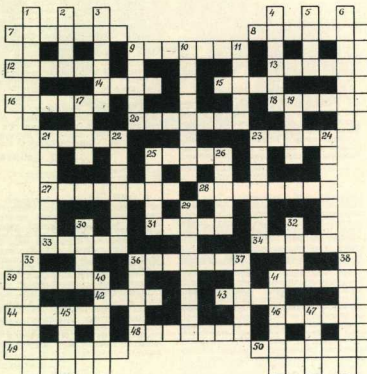
Евгений Карпов—Жемчужин на Рассоа.
М. Руссов—Зрелость.
Ю. Поляков—День в суворовском училище.
А. Медведев—Большая дружба.
Н. Фомичев—Чемпионы мира и Европы.
А. Капштанер—Педагог-драматург—Гроссверс.
О. Куденко—Грозное оружие.
Ральф Паркер—Непрощенные гости.
Д. Смирнов—Первая борзода.

На первой странице обложки: Комсомолец Николай Рышков лучшей молодежи страны. Фото Я. Халина.

На четвертой странице обложки: Сельскохозяйственный институт имени К. А. Тимирязева. Практические занятия на ферме. Фото А. Мокеева.

Оформление номера
В. Урина.
Технический редактор
А. Ефимова.

КРОССВОРД

По вертикали:

1. Англиканская союзная республика.
2. Город в Крыму.
3. Представитель одного из народов СССР.
4. Возмущенный.
5. Водное пространство.
6. Союзная республика.
7. Собрание представителей.
8. Фигурный знак.
9. Вервер какому авансисти.
10. Задвижная совазие.
11. Государство в Азии.
12. Остров у восточных берегов Америки.
13. Знаменитый русский писатель, открывший северо-западные берега Америки.
14. Нарратив художника М. Гренова.
15. Выдающийся советский композитор.
16. Очертание предмета.
17. Часть оп-

тического прибора. 30. Поворотный рычаг литейщика. 32. Горная система в Южной Америке. 35. Предсказание. 36. Внутренняя опорная поверхность предмета. 37. Курорт на берегу Черного моря. 38. Бесприличный русский ученик-филолог. 40. Сочетание нескольких одновременно звучащих музыкальных тонов. 41. Оружие, употребляемое в фехтовании. 45. Графическое изображение музыкального звука. 48. Название европейского государства.

По горизонтали:

7. Страна союзной республики.
8. Образовательный закусок.
9. Пуповина прагматическое занятие. 12. Выда-

вшиеся природные способности. 13. Способ осуждения почвы. 14. Основная мысль. 15. Чена, впадина в Каспийском море. 16. Миллионная часть метра. 18. Столица народной республики. 20. Название спортивного общества. 21. Сильный выдох. 22. Кованый металл. 23. Материал для строительных и скульптурных работ. 27. Легкий металл. 28. Великая русская актриса. 31. Род замка. 33. Мелодия. 34. Персонаж повести В. Пингва «Словоблочечные». 36. Обозначение отенки зпаший учеников. 39. Нармативные линии пути. 41. Порт восточной рыба. 43. Пират Волги. 44. Известный

Составил Е. Мазилкин (г. Батуми).

советская песня. 46. Детский журнал. 48. Имя одного из действующих лиц в опере К. Давыденко «Богатыри Американий». 49. Артиллерийское орудие. 50. Русский художник.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3 «СМЕНИ»:

По вертикали:

1. Нумерация. 2. Титан. 3. Чичуров. 4. Карабин. 5. Памфилов. 6. Сторож. 9. Номинал. 10. Числело. 13. «Пролог». 17. Жермонтов. 18. Монтюрье. 20. Корабан. 21. Матвеев. 26. Леонид. 27. Матвеев. 28. Александр. 30. Федерация. 31. Воронин. 34. Волковский. 35. Чичуров. 39. Барон. 40. Пират.

По горизонтали:

7. Кулибин. 8. Магдала. 11. Сочетание. 12. Навиация. 13. Финал. 15. Полярный. 16. Дювал. 19. Раствор. 22. Краффорд. 23. Кобзев. 24. Лондон. 25. Кафель. 29. Камелия. 32. Шпатель. 33. Цитрон. 36. Ветер. 37. Коженитер. 38. Деонис. 41. Сепаратор. 42. Сопливание. 43. Тихонов. 44. Позитив.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4 «СМЕНИ»:

По вертикали:

1. Ротор. 2. Пингвин. 3. Катанов. 4. Сетин. 5. Абротер. 7. Пруд. 8. Лянда. 14. Переглатать. 16. Лилов. 17. Монтюрье. 18. Артретия. 20. Кальмар. 21. Корфу. 22. Стрел. 23. «Игата». 24. Сиена. 30. Штур. 34. «Холодная». 36. Очарств. 37. Баллада. 38. Кафедра. 40. Итний. 41. Штур. 42. Пират.

По горизонтали:

6. Олимпиада. 9. Якут. 10. Гыни. 11. Груша. 12. Обрыв. 13. Лина. 15. Налог. 18. Алет. 19. Налог. 22. Стрел. 23. Восток. 26. Телескоп. 27. Агарт. 28. Фтор. 29. Афор. 31. Ахонт. 32. Тина. 33. Яхонт. 35. Лампор. 37. Вирск. 39. Осек. 42. Фанья. 43. Литец. 45. Скел. 46. «Ранг». 47. Аудитория.

Главный редактор М. А. Величко.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правда», 24.
Тираж 120 000 экз.

Тел. Д-3-94-24.

А 0685.

Формат бумаги 70x108/16.

Подписано к печати 12/IV 1954 г.

Заказ № 838.
1,75 бум. л.—4,8 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правда», 24.

Очередь.

Ночлег бездомных.

П. ПИНКИСЕВИЧ

Из серии автолитографий

«ПОД КРЫШАМИ ПАРИЖА»

«Юанитя».

Недоглядели.

Цена номера
2 руб.

